

Светлана
МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

г. Краснодар

В год глухие

повесть

Все думают, что время придёт,
а время только уходит.
(Из разговора)

Татьяна шагала по шерботому тротуару, расправив плечи, чуть приподняв подбородок, как и положено молодой, лёгкой, русоволосой женщине в первый летний день, да ещё в новеньких босоножках. Шурясь от солнца, смотрела на раскидистые липы, обступившие широкую площадку, в центре которой – большой, отделанный серым гранитом бассейн с высоким фонтаном. Устремлённые к небу струи рассыпались водяными искрами, образуя огромный радужный купол. Ветер рывками доносил влажную прохладу вместе с запахом цветущих лип. Здесь, на юге, они зацветают почти на месяц раньше центральной России. Медовый аромат волновал Татьяну, возвращая на берега Волги, в город Горький, в детство и раннюю юность, когда она бегала в художку, где преподавал отец. Не один раз вместе они шагали по липовой аллее, направлялись на занятия или просто гуляли, любовались барынями-липами, как называл их

родитель. Он всегда указывал на объекты, интересные для художника, это превратилось в некую игру, соревнование и незаметно стало привычкой, даже когда отца не было рядом.

Вот и полчаса назад в автобусе Татьяна смотрелась на собственное отражение в тёмном стекле. Интересный ракурс, при котором овал бледного лица с острым подбородком, большие карие глаза и пшеничные, упавшие на плечи тяжёлой волной волосы подчёркивали: такой не в автобусе, а в открытой карете ездить надо.

Хорошо бы написать автопортрет на фоне вот этого вибрирующего влажного эфира, пронизанного солнечным светом, в ретро-шляпке, украшенной чайными розами и лентами, рядом сумочка с изящным фермуаром. И всё в нежных золотисто-зелёных тонах. «А в итоге — махровый «арбатский» ширпотреб... — взгляд её карих глаз уже не скользил, а цеплялся за детали: свежеекрашенные скамейки, бетонная урна с отбитым краем. «Солнечный свет и зелень — первые условия рождения красоты, но правда жизни всегда должна присутствовать», — тонкие длинные брови Татьяны чуть двинулись к переносице, она точно услышала голос отца. Художник по профессии и крестьянин по сути, он после сорока начал учить детей живописи и делал это с интересом и удовольствием. Для Татьяны уроки продолжались и дома. «Запомни, Танюра, — вздыхал отец, словно вовсе не верил, что его слова останутся в памяти дочери, — искусство начинается в природе. Умей только наблюдать и передать на холсте или на бумаге. Смотри — не копируй, а мыслить!»

Босоножки слегка жали. Татьяна всё больше замедляла шаг — правый мизинец давил ремешок, никак не желая растягиваться. «Ничего, не такие разношивали, — она уже не следила за плечами, смотрела вниз. — Говорила же Борису: маловаты. А он только ахал: «Они тебе очень-очень! Ножка как у королевы». Татьяна довольно улыбнулась, вспомнив восхищённые глаза мужа.

Всё более прихрамывая, она уже не рассматривала окрестности, а мысленно разговаривала с Борисом. Этот внутренний диалог с мужем, возникавший всякий раз, когда они расставались, стал уже привычным для неё. Уже

восемь лет Борис являл главную часть её жизни, и ничего, сравнимого с ним, в её мире не существовало.

Познакомились они в Строгановском институте в Москве в середине восьмидесятых, когда до распада Советского Союза оставалось лет семь. Татьяна после своей художки изначально выбрала факультет дизайна. Борис Устименко с дипломом художественного училища, которое он окончил в родном городе, поступал на монументально-декоративные искусства, но недобрал баллы и стал студентом факультета декоративно-прикладного и народных промыслов, что не помешало и ему, и Татьяне увлечённо заниматься живописью. Специализацией для Татьяны стал дизайн-текстиль: она осваивала ткачество, создавала гобелены. А Борис не очень охотно постигал художественную ковку металла.

Встретаться будущие супруги начали на втором курсе, поженились после пятого. С самого начала знакомства Татьяна признавала исключительность и превосходство своего избранника. Хрупкого телосложения, с тонкими чертами лица, Борис был похож на сказочную птицу, благородного чёрного лебедя. Челюсти его, словно клюв, были остро выдвинуты вперёд, так что, когда он говорил, губы вытягивались почти до уровня носа. Как будто он клевал слова. Но сколько изящества при этом было в его точёной, на длинной шее, небольшой голове, смоляных до плеч волосах, будто уложенных по волоску — чётко и строго. Всегда спокойный, чуть холодноватый взгляд каких-то особенных сине-серых глаз — художники этот цвет называют «синей пылью». В движениях Бориса не было суетности, как и раздражающей медлительности. Он всегда будто точно знал, сколько усилий нужно приложить в той или иной ситуации.

Борис вполне мог стать заводилой и душой компании. Когда хотел, артистично рассказывал анекдоты и хохотал громче всех, отпускал колкости или беззлобно подтрунивал над девчонками, которые, в свою очередь, отвечали ему быстро и хлётко. Но балагурил он редко. Попадая на шумные студенческие вечеринки, Борис обычно держался отстранённо, демонстративно и меланхолично следя за суетой из

угла или с краю стола. Смотрел на тусовку как бы поверх голов своих беззаботных друзей-художников, точно носитель некоей тайны, о которой его однокурсники даже не подозревают. При этом неожиданно и некстати мог громко переспросить самые простые и понятные слова, меняя ударение или эмоциональную окраску, так что окружающие удивлённо оборачивались, точно вдруг расслышав и осознав двойной смысл этих «простых» слов и их сочетаний. Борис хмыкал и самодовольно замолкал.

При этом его явном невнимании к сумбурной жизни сокурсников к нему самому внимание росло: будущий кузнец или ювелир Борис Устименко, для которого живопись являлась дополнительной дисциплиной, именно в живописи, в каждой новой работе, всё ярче проявлял свой оригинальный талант. Его умение видеть некий двойной смысл тех самых «простых» смыслов угадывался в изображённой на холсте толпе, где рядом и святые, и негодяи, и рабы, и господа, и воины, и миряне, и лицедеи, и простаки. Люди и животные. В небе — улетающие птицы, словно уходящее время. Из этого смещения, смещения рождалась и проявлялась на картине некая новая, сложнейшая гармония, благодаря которой, быть может, и жив, и движим мир...

А на другом полотне вдруг тусклое вечернее небо, засыпанное снегом кладбище, у небольшого обелиска на скамейке женщина с горящей свечкой... Кажется, слышишь завывание ветра, колючая позёмка сечёт побелевшие руки над дрожащим крохотным пламенем. И невозможно отвести взгляд от горестно склонённой женской фигурки, безликой под чёрным платком.

У этой работы Татьяна задержалась особенно долго. Для неё, дочери признанного живописца, в цветовых решениях, пожалуй, Борис явно был пока слабоват, не умел играть на колоритной сложности. Но и в этой неопытной неразвёрнутости, при широких неуклюжих мазках Татьяна угадывала сложные подтексты замысла художника. Когда она высказала своё мнение, Борис, как обычно, смотрел поверх девичьей головы, но, конечно же, автору льстило внимание к его полотну.

В конце четвёртого семестра Борис попросил Татьяну позировать для этюда. Ему захотелось написать её худые, в редких волосках,

бледные руки с длинными гибкими пальцами. Когда он сказал об этом, Татьяна слегка покраснела. Первая мысль: «Издевается». Маникюр, как и другие девчонки-художницы, она делала по самым большим праздникам, да и держался он недолго, а краски вечно забивались под ногти, те ломались, получались разной длины. К чему такие показывать? Но Борис не отстал, пока не договорились о встрече.

После неожиданной просьбы она весь вечер разглядывала свои пальцы, ладошки и запястья и гадала, что же в них особенного... А он признавался потом, что влюбился сначала именно в руки. В чёрный крестик от шариковой ручки на ладошке, в круглую коричневую родинку между средним и безымянным пальцем левой руки. В синий бугорок набухшей жилки на кисти...

* * *

Первые три года супружеской жизни четы Устименко прошли всё так же по-студенчески налегке. Вскоре после защиты дипломов приехали на юг, в родной город Бориса, где устроились на художественный комбинат. Это давало выпускникам художественных вузов возможность стабильного заработка при достаточном времени на собственное творчество. Борис на комбинате разрабатывал эскизы кованных металлических решёток и кое-что сам «работал» у горна, однако, как и во время учёбы, обработка металла не приносила удовлетворения.

Главное происходило дома, где он активно писал масляными красками, пробовал и акварель, и пастель, часто выбираясь на пленэры. Благо, «натура» располагалась рядом. Молодые супруги снимали домик на окраине города, в двух кварталах от гладко крытого бетонными плитами берега степной реки и небольшого, давно одичавшего парка. Времянка — маленькая, выкрашенная ярко-синей краской саманная хатка, стояла в глубине двора, в тени двухэтажного кирпичного дома, принадлежащего хозяевам большого участка, обнесённого сплошным жестяным забором. Две комнатки времянки были для молодых художников и жильём, и мастерской

Борис всё более увлечённо писал. И безбре-

зультатно. Две его работы отобрали на всесоюзную молодёжную выставку в Москву. Экспозиция южнороссийских художников имела в столице успех, и несколько человек по итогам выставки рекомендовали принять в Союз художников. Среди них — Борис Устименко. Его картина «Ангел, или Вечный мотив» висела в центре зала и сразу притягивала к себе зрителей — рождение облака — то ли ангела, то ли человеческой души, парящей над цветущей землёй. Полотно вызывало смешение чувств: восторг от простора земного, от синего неба и солнца, играющего на облаках всеми цветами радуги, поджимала печаль — на взгорочке, покрытом мелкими жёлтыми цветками, чернел крест. И не понять, о чём больше думал художник: о восторге рождения в небе или о неизбежности смерти на земле. А может, о жизни вечной...

Об этом Бориса пыталась и Татьяна. Но он, как обычно, глядя поверх её головы, уходил от разговора. Как будто ждал от Татьяны особых слов, а она никак не могла угадать их. И, оставаемая в недосказанности, она впервые переживала недоверие, даже отчуждённость, появившуюся, как ей казалось, между нею и мужем. Вновь у неё поднялся и теперь уже не отпускал тот студенческий, девичий страх не соответствовать Борису.

* * *

Как члену Союза художников Борису Устименко теперь полагалась мастерская. Ему выделили длинную комнату с мансардой в самом центре города, почти напротив городской администрации. В старинной серой одноэтажке располагались магазин «Всё для аквариумов» и парикмахерская «Стрижка и К^о», а незаметная торцовая узкая дверь без крыльца вела в мастерскую художника. Первая собственная художественная мастерская в жизни молодого творца — это шаг к большому признанию!

Об успехе мечтали молодые художники. Член Союза Борис окончательно погрузился в угрюмую сосредоточенность на своём предназначении, и Татьяна искренне уже боялась нарушать его размышления. Ожидала, когда Борис сам обратится к ней, и тоже работала.

Её отец был единственным в своём городе портретистом, потому его уважали и коллеги, и власть. Так что папа, в три года усадивший Таню учиться рисованию, твердил дочери каждый день до окончания школы: «Только через образ можно понять окружающий мир, услышать верный тон жизни». И только тогда «стать полноценной личностью, то есть счастливой». И что «если кому дан талант, то такому человеку без творческой работы не будет счастья». Ему вторила мама, товаровед, а потом просто домохозяйка, посвятившая себя отцу: «Никакая женская красота не может закрыть внутреннюю пустоту бесталанности». Потому Тане, если она сама не гений, нужно готовиться быть не красавицей женой, но другом-соратником для мужа.

Однако Татьяне никто в таланте не отказывал, поэтому она как-то не представляла себя «преданной тенью», но, получив диплом, имела право считаться самодостаточной творческой личностью. Просто ей нужно найти своё собственное место в искусстве. И когда Татьяна пожаловалась Борису, что в их комнатках во время не хватало места для ткацких станков под задуманные ею гобелены, Борис тут же предложил перейти в новую мастерскую.

Но перед вселением пришлось срочно заняться ремонтом помещения. Прогнивший пол, осыпавшиеся потолки и стены, попутно пришлось провести в мастерскую воду и канализацию. Как ни экономили средства, их не хватало. Вложили в ремонт и деньги, предназначенные на оплату квартиры за полгода. По молодости верилось, что обойдётся. Как-нибудь всё уладится. А уж когда будут готовы новые работы, мир ахнет в восхищении...

Стояли последние дни золотой осени. Борис писал этюды. Он уже сделал несколько: полублестевшая липа выглядела по-женски — явно нецеломудренно зазывающей, а луна сквозь зардевшиеся ветки клёна глядела с небес подобно жёлтому черепу. Идея будущей картины опять не была однозначной, что опять предвещало всеобщее внимание и новый успех.

* * *

Но уже через полтора месяца последовал неприятный разговор с хозяевами времянки. За которым в гости к Татьяне с Борисом пришёл их сын Павел. Высокий, крупный, кудрявый блондин, из тех, кого, увидев даже мельком, трудно забыть, словно встретился с известным актёром или ожившим героем с картины Васильева. Визит его не имел никакого результата, потому что заплатить в ближайшее время за квартиру им всё равно было нечем. Но мягкий взгляд светлых глаз, певучий густой баритон гостя вызывали симпатию:

— А я ведь тоже человек творческий, хоть и работаю прорабом, — Павел начал с улыбки. — Окончил музыкальное училище по классу вокала.

— Как здорово. А почему прораб? — Татьяна кокетливо распахнула ресницы, оттягивая момент разговора о квартирной плате. — Учителя были не очень? Голос-то чувствуется.

— Меня учила лучшая преподаватель училища Амалия Евгеньевна Богданова, — видно было, что тема блондину пришлась по душе. — А ей довелось постигать тайны вокала в Московской консерватории, у самого Тица. Слышали про такого? Гуго Ионатанович. Одно имя чего стоит — настоящий профессор! Так вот Амалия была достойной ученицей профессора Тица. Образованнейшая женщина и первоклассная вокалистка. Её стараниями я уже со второго курса давал сольные концерты! А на выпускном экзамене у меня из Москвы сидели. И сразу — приглашение в столичный хоровой коллектив. Ну, чтобы учиться в консерватории и работать. Однако увы или ах, но к тому времени я уже был женат. И Мурзилка моя родилась. О-ой, какая тогда за меня война пошла! Амалия Евгеньевна как только ни убеждала, чтобы я поехал учиться дальше. «Вы не понимаете, от чего отказываетесь! Вам прямая дорога в Большой театр!» — Павел смешно подражал наставнице. — ...Преувеличивала, конечно. Но кто знает — может, и сбылись бы её слова. Только не поехал я никуда. Легко ей было давить: сама-то всю жизнь одинокой прожила. Не представляла, как это своего ребёнка на руки взять, этот вот комочек тёпленький. А мне какво? Семью надо содержать. Правильно?

Павел выразительно посмотрел на Бориса сверху вниз. Борис не отвёл взгляда. Татьяна деланно улыбнулась.

— Мужик, коль женился, должен за семью свою отвечать. А иначе не женись. Меня батя так учил.

Павел снова взглянул на Бориса, тот не шевелился. «Интересно, смог бы он отказаться от искусства ради нашего ребёнка?» — Татьяна усилием воли сохраняла улыбку. И первым дрогнул Павел:

— Вы, ребята, меня извините. Я сегодня выпил малёк. Объект сдавали. Пришлось с бригадными моими отметить. А вы, смотрю, времени зря не теряете... — он оглядывал комнату, у стен которой стояли незаконченные этюды Бориса. — У вас тоже работа ответственная, кропотливая. Что наспех делается, то и недолго длится, так ведь? Может, картинку какую мне?..

— Мы же сказали Владимиру Егоровичу, что заплатим за квартиру в ближайшее время. А картинками здесь не торгуют, Павел Владимирович, — Борис сжал губы в клюв.

— Да я не к тому... При чём тут... Я так зашёл. Настроение у меня сегодня... Да вы извините. Нравятся мне люди творческие. И картины ваши нравятся. Уж не обижайтесь, — покраснел Павел, и Татьяна заметила вдруг, что он не старше их, ровесник. Вот только глубокая морщина на лбу, чуть ранней седины на висках да тяжесть в походке.

— Правда, не обижайтесь, — Павел ещё раз попросил примирения у Бориса, — мужик я. Тёмный работяга. Но люблю... умных. У нас в России много умных. И бедных. Однако мужики тёмные, а судят обо всём на свете так, что любо-дорого послушать. Вот ведь загадка. Тёмный бедный мужик, а крутит головой в разные стороны. Всё ему интересно. Страны самые разные — интересно. Инопланетяне — интересно. Только замечаю я, чаще люди стали жёстко разговаривать, резко. Чувствуете вы? Отчего, думаете, это? А оттого, как видят, что вокруг них творится, понимают всё. И судят резко... от равнодушия. Согласен?

Борис нетерпеливо прошёлся по комнате, взглянул на Павла, как учитель на первоклассника:

— Это уж вы извините, Павел, но нам пора

работать. Давайте в другой раз поговорим. Извините, — и демонстративно покинул комнату.

Татьяна виновато молчала, вслед за Павлом перевела взгляд на картины у стены. И неожиданно они показались ей совсем иными, точно её тайные греховные мысли проступили сквозь Борисовы мазки.

Ночью долго не могла уснуть, сама не понимала, отчего так бьётся сердце. Мутный неживой свет заоконного высокого фонаря проникал в комнату. В бледном пятне на полу качались тени от веток тутового дерева, похожие на расплетение человеческих вен. Как будто обнажилось, проступило нечто, скрываемое до сих пор. Проблемы с нищей неуютной квартирой без будущего, с недоделанной мастерской, проблемы на работе с заказчиками, проблемы с личным творчеством — всё это давно наблевшее, за много дней сложившееся, слепившееся где-то в голове. Тугое, тёмное.

«Может, я не достойна счастья?.. Почему так разозлился сегодня Борис? Он хочет работать, а ему мешают...» Фонарь наконец-то погас. И в успокаивающей темноте таким всегда устойчивым пульсом — «Борис... Борис... Борис...» Но ещё укачивало, согревало самое-самое тайное: чувство тёплого крохотного комочка, родного-родного, который может изменить жизнь, весь мир. У Татьяны непроизвольно зашевелились пальцы, будто она прикасалась ими к этому теплу. Осторожно прикрыла глаза, медленно набрала в грудь воздух. «Почему Борис разозлился?.. Работать... Но ведь есть ещё... — уже засыпая, Татьяна наконец блаженно свернулась, — ...крохотный комочек».

* * *

— **Т**аня, нельзя всё время суетиться. Художник должен иметь возможность не только увидеть, но и осмыслить происходящее. А если ты постоянно оглядываешься да примеряешь на себя мнение всех, кто рядом, когда творить своё? И сможешь ли ты разглядеть саму себя? Чтобы понять и достигнуть того, на что способна?

Вопросы повисли в вечернем воздухе. Татьяна показало, что в комнате присутствует её

отец. Но Борис смотрел сквозь стоявшую у окна жену созерцательным взглядом, явно не ожидая от неё ответов.

— Я недавно подобрала кактус, — всё же тихо начала она. — Увидела около мусорки на подходе к комбинату. Вырванный с корнем, лежал прямо на асфальте. Длинный, лопухий, колючий... А на него падали снежинки. Кактус со снежинками на колючках — очень грустное зрелище, достойное поздней осени. Я его принесла на комбинат и в большую банку из-под горошка прикопала. Стоит на полке над моим рабочим столом. Заходи, полюбуйся.

— Кактус со снежинками... Любопытно. Очень даже. Можно написать. Да, в этом что-то есть... — Борис тряхнул головой, возвращаясь к вопросам: — Только зачем он тебе? На работе...

— Маленькое беззащитное существо.

— Какое существо? Это ты о кактусе, что ли?

— Знаешь, он ожил у меня там! Честное слово.

— Таня, запомни: самое глупое времяпровождение — делать бесполезные дела. Будь наконец сосредоточенной! — Когда Борис строился по-настоящему, то плотно сжимал губки в клювик. — И ещё: с квартирой я уладил. Да, на самом деле уладил, — он отвернулся от окна, взъерошил и пригладил на затылке волосы, точно собираясь с силами, и тихо выдохнул: — Мы переезжаем к моему отцу.

— Что ты сказал?.. — Таня не сразу поверила услышанному. — Мы будем жить вместе с Виктором Семёновичем?

Борис кивнул, повторил через плечо:

— Переезжаем через неделю.

* * *

Это были не просто слова. Это был приговор всему выстроенному ими в долгих спорах и мечтах пониманию семейного уклада. Ещё во времена студенчества Татьяна и Борис уговорились строить жизнь без родительского глаза. Оба в избытке в детстве и юности наслушались моралей, поучений, замечаний и одергиваний, натерпелись от опеки любящих пап и мам.

К тому же как-никак у молодых супругов за год появились новые привычки. Борис, например, мог среди ночи вдруг вскочить и закопаться

в свои книги по искусству. Или, включив большой свет, смотреть новые каталоги с репродукциями и вычитывать Татьяне мудрые мысли из толстого фолианта с золотым тиснением, который ему одолжили до утра. Мог даже встать к мольберту на бессердечно раннем летнем рассвете! А Татьяна — любительница громко похотать и порезвиться — в отдельном домике вновь превратилась в балованного ребёнка.

Теперь же предстояло подчиниться строгому распорядку — отец Бориса, хоть и казался человеком миролюбивым, по рассказам сына, был предельно педантичен, требуя безоговорочного подчинения и демонстрации почитания. Хотя после окончания института молодые и дня не сидели сложа руки, работали, старались изо всех сил, но из-за растянувшегося ремонта мастерской другого способа найти жилплощадь всё равно не было. А потому Татьяне хватило сил не спорить с решением Бориса о переезде из их мазанки на восьмой этаж, в двухкомнатную «распашонку», где тридцать лет обитал профессор гуманитарного университета Виктор Семёнович.

Что ещё Татьяна знала о свёкре? Его жена Елена Александровна умерла, когда сын заканчивал школу. Кажется, супруги жили не очень дружно. Но во время болезни жены Виктор Семёнович отложил свои барские замашки, долго и терпеливо ухаживал за ней. После кончины супруги Виктор Семёнович стал ещё более резким в общении. Молодые нечасто бывали у него, но почти каждый раз Татьяне доводилось присутствовать при семейных разборках между ним и сыном.

Нарочито громкий голос давался Виктору Семёновичу непросто. Собираясь с силами, он приподнимался на полупальцах: хрупкое его сложение, унаследованное Борисом, никак не соответствовало генеральскому накалу. В это время он становился похож на престарелого певца хора, которого Татьяна видела в филармонии на концерте Свиридова. Несмотря на преклонные годы, певец с выпученными бесцветными глазами пытался наполнить голосом холодный необъятный эфир, от этого получалось и трагичнее, и безнадежней.

Резкий, даже оскорбительный тон Виктор Семёнович брал именно в разговорах с Бори-

сом. На Татьяну давление не распространялось. Но от этого она чувствовала себя не менее виноватой. Отец отчитывал сына за его невнимание к памяти матери, за расточительность и небрежность, в которых он уличал Бориса, за нежелание трудиться упорно и кропотливо по полученной профессии, не тратя время на живопись. А Татьяне слышалось в его словах всегда одно — обида. Мол, его Боренька слишком много внимания уделяет привезённой из столицы жене, а не отцу, столько вложившему в него.

В родительскую квартиру молодые супруги переезжали как победённые. Балкон и лоджия блочной восьмизэтажки с шикарным видом на заросшие камышом пруды и пёстрый частный сектор с трудом вместили вещи, которым не нашлось места даже в мастерской — старые подрамники, книги, много повидавшая этажерка и посуда, выброшенные кем-то на свалку, но привлёкшие внимание художников...

Виктор Семёнович скептически осматривал их семейный скарб, но без комментариев. Выдержка в этот раз его не подвела. Хотя выражение лица красноречиво отражало мысли, владевшие свёкром. Понимая, чем это его терпение может кончиться, и искренне стремясь избежать искушений, Виктор Семёнович в первый же день их совместного проживания объявил о своём переезде на дачу. И, к уже нескрываемой радости Бориса и Татьяны, о том, что у него появилась надежда получить ведомственную жилплощадь.

Университет, в котором Виктор Семёнович преподавал почти тридцать лет, запланировал строительство дома для преподавательского состава. Об этом событии последнее время активно говорили на кафедре, но тихими голосами, точно разговор касался присутствующего тяжелобольного. Виктор Семёнович знал, насколько малы его шансы, ведь квартира у него имелась, несовершеннолетних детей и иждивенцев на жилплощади не числилось. Но надежда на понимание руководством его изменившегося положения всё-таки теплилась. К тому же ему хотелось тем самым успокоить Бориса, удержать в семейном доме.

Накануне отъезда свёкра на дачу Татьяна по-

лучила подробные инструкции: как пользоваться праздничной посудой, бытовыми приборами и всем остальным, вплоть до места общего пользования. К Борису отец почти не обращался. Видимо, в деле сохранения целостности имущества и чистоты жилплощади основные надежды он возлагал на невестку. Застегнув молнию на сумке, Виктор Семёнович, попыхая короткой трубкой, заправленной лёгким турецким табаком, обречённо оглядывал плотно, от пола до потолка, забитые книгами полки просторной передней. Дождавшись вышедшего попрощаться Бориса, демонстративно трагично выдохнул, мол, всерьёз опасается, что жизнь на даче превратится в заточение. Произносил слова так, будто бросал перчатку.

* * *

На переезд Бориса и Татьяну подтолкнули и серьёзные перемены на художественном комбинате: резко сократилось число заказов, снизились расценки на декоративные работы. В обязанности комбината со дня его основания входило художественное оформление общественно значимых зданий региона. Конечно, и администрации, и предприятиям стоило всё это недёшево: при составлении проектного договора было принято как можно сильнее раздуть смету и давать работу максимальному количеству художников. Ещё до распада СССР, с объявления «перестройки», появившиеся как бы ниоткуда маленькие кустарные мастерские и кооперативы-конкуренты пользовались этим обстоятельством и всё успешнее перехватывали заказчиков на художественную ковку, на роспись стен и изготовление витражей. А уж заказы на гобелены, которыми занималась Татьяна, на комбинате и вовсе прекратились.

Художникам приходилось теперь много ездить по краю в самостоятельных поисках любой работы. Длинные, щедро остеклённые мастерские обезлюдели. Всюду воцарились грязь и запустение. Как будто стихийное бедствие обрушилось на худфонд. Или его работники подверглись мобилизации. «Ушли на фронт? На какой? С кем?» — Татьяна, одна из

немногих всё ещё приходившая на работу, грустно замечала новые наслоения пыли и разрастающуюся под потолком паутину.

Иногда ей доставалось раскрашивать деревянные заготовки для сувениров. Чаще она сама придумывала себе работу: на её столе упорно появлялись всё новые и новые эскизы, которым, понятно, никогда не суждено стать гобеленами. Каждую неделю планшет ложился на планшет, отработанная стопка поднималась от пола почти на метр, а над сменяющимися разноцветными рисунками неизменно зеленел кактус. Он разросся колючими пяточками и, казалось, тянулся ими к Татьяне. Уставая от никому не нужного рисования, она подолгу, под медленные свои мысли рассматривала нефритовое туго-игольчатое туловище здоровяка. Изучала плавные линии. Пуховые иголки. Радовалась новым «бородавочкам», из которых разовьются побеги.

А одним утром произошло никогда ею не виданное — кактус расцвёл. Новый «пяточек» оказался не ростком, а бутонем, который вдруг раздулся, порозовел и раскрылся ровно в тот момент, когда Татьяна входила в комнату. Удивительно тонкий и в то же время стойкий аромат витал в воздухе. Вот так колючка! Приблизившись к столу, она не верила глазам. Откуда взялись силы за несколько секунд создать это чудо? Нежно-розовые, невесомые лепестки просвечивали по краям, хрупкие тычинки, кажется, повисли сами по себе... Колючий крепыш и дышащий цветок — невообразимый контраст, но как гармонично!

Татьяна приседала, приближалась, почти прикасаясь носом, и отдалялась — казалось, кактус тоже разглядывал её. Сочные побеги-листки будто чуть дрожали, шевелились, следя за движениями Татьяны. Так продолжалось, пока в коридоре не послышались шум и гомон. Татьяна призывно распахнула дверь, и через минуту посмотреть на чудо сбежались все немногочисленные работники комбината. Никогда ещё в этих много повидавших стенах не зацветали кактусы. Восхищались, судили-рядили, вспомнили о байках-легендах, вроде той, что даже жизнь цветка кактуса продлевают. Но только одного цветка маловато. И, будто услышав эти слова, герой-кактус через три дня надул новый бутон.

Татьяна приболела, не появлялась на работе больше недели. И кактус, уже готовый было порадовать новым чудом, замедлил с цветением, упорно терпел, не раскрывался. Но стоило Татьяне ступить на крыльцо с отбитой плиткой, потянуть на себя входную дверь комбината — будто сработал пусковой механизм. И бутон начал распускаться! Поражённая Татьяна в немом восхищении смотрела на живую драгоценность. Только когда отогнулся последний лепесток, опять позвала в кабинет коллег. Жаль, что свидетелей чуда в этот раз оказалось ещё меньше. Зато какие восторги звучали вокруг! Скульптор Шадюк даже начал декламировать нараспев: «Я спрятан в твоём сердце, о Цветок!..» Но со слухом у него были проблемы, и стихи звучали слишком фальшиво, так что его быстро оборвали. Потому что красота, как дитя любви, не терпит фальши в своём присутствии.

— Дитя-цветок раскрывает чашечку свою и восклицает: «О, милый мир, не увядай, пожалуйста!» — всё ж закончил зашиканный Шадюк, пожилой скособоченный человек с лицом, похожим на африканскую маску, и неожиданно пронзительно-голубыми русскими глазами. — Это Рабиндранат Тагор. Интересно, для кого он писал — для детей или для стариков?

Татьяна сочувственно взглянула на Шадюка, ежегодно пышно отмечающего годовщину развода с женой. Его холостяцкая квартира немногим лучше заваленной глиной и гипсом мастерской — напоминала развалины после бомбёжки. Детей у него, кажется, не было. Или были, но не от него. А теперь он уже не в силах заполучить ни одного нового заказа и, значит, бесплоден полностью и окончательно... Как и расписывающая подносы балаболка Нюся — вдовая Анна Петрушенко... И снежно-седая старая дева Елена Егоровна, всю жизнь просидевшая «в обнимку» с красками и лаками. Татьяна быстро вышла из кабинета.

Навдыхавшись аромата диковинного цветка, налюбовавшись его красотой, порасходились и коллеги, возвращаясь к действительности и подавленному настроению — на комбинате работы не предвиделось.

Татьяна шла по тёмному пыльному коридо-

ру с гримасой брезгливости на лице. Это не жизнь. Болото. Тина над трясиной. И даже дитя-цветок здесь лишний: «Не время, увы, не время...»

Она-то точно осталась не у дел. Редкий заказ, который реально наклёвывался, перехватили из-за её больничного. Чувство обиды за собственную неудачу и страха за мужа, такого талантливого и такого незащищённого, горьким комом давило грудь. «Стоп! Только не отчаиваться. Нельзя. И не стоять на месте, двигаться, обязательно двигаться!» Татьяна мысленно перенеслась к Борису в новую мастерскую, в которой они будут много работать. Вот шанс, вот надежда! А здесь что случится, то случится.

Кактус ещё несколько раз зацвёл и всегда в её присутствии.

— Ты знаешь, странно, но маленькие дети кажутся намногомышлёнее и самобытнее, чем потом становятся. Слово их зажимает школа. Так что даже интересно, куда всё девается, когда они окончательно вырастают, — сказал однажды Борис.

Татьяна посмотрела на него и ничего не ответила. Она поняла, что Борис думает о ребёнке. Поняла со страхом. И этот страх рос, разрастался в душе её до гигантских размеров, разветвлялся, обрастал колючками, превращаясь в страшный кактус. Видение растения с некоторых пор преследовало Татьяну и днём и ночью. И она понимала отчего — Татьяна предала свой кактус. Растение погибло. Не осталось даже жестяной банки с примятым краем и почти слинявшей краской на боках.

Татьяне иногда казалось, что тот кактус и не был растением. Как-то незаметно для себя она восприняла его неким разумным существом, а потом конкретнее — ребёнком, который не родился, но пришёл в мир в виде кактуса: зелёный колючий комочек на асфальте. Под снежинками... И когда она спасла его, взяв с помойки, тот потянулся, радовался обрётённой матери. А потом горшок с растением остался в кабинете в полном одиночестве, потому что она перестала приходить на комбинат. Сначала думала, что только на короткое время. Пока не найдёт заказ. Вот-вот простой за-

кончится. Татьяна регулярно звонила сторожу, просила полить растение. Потом стало ясно: заказов больше не будет никогда. И Татьяна сразу же подумала о цветке: нужно забрать! «Обязательно и срочно забрать! — повторяла и прикусывала губы, чтобы запомнить эту боль. — Он же там погибнет. Завтра же нужно поехать. Только сначала — в мастерскую: Борис опять остался ночевать и наверняка голоден как волк! Хоть бы он прошёл со своими «Люди-звери» на выставку! Сначала — в мастерскую, а потом сразу за кактусом».

Но из мастерской она мчалась на дачу к отцу Бориса, потому что у того поднялось давление. Или он готовил доклад и срочно нужны были книги и документы. Потом требовалось подвезти ему продукты и оказывалось, что необходимо пожить на даче до конца рабочей недели, потому как Виктор Семёнович неудачно повернул ногу. «Даже если б Борис не был так занят, всё равно как ему ухаживать за больным? Капризным больным... Тут и толковать нечего. Пусть рисует. А в перерыве прогуляется и забереёт мой кактус!»

Проходили дни. О кактусе Борис, конечно, не помнил. А если вспоминал, то погода за окном не располагала к прогулкам. Или вдруг свет оказывался в тот момент очень подходящим для работы над картиной. Борис сбрасывал уже надетую куртку и хватался за краски.

Когда Татьяна наконец вернулась с дачи, то первым делом помчалась на комбинат. А там всю шли ремонтные работы с перепланировкой помещения. Она шла по чужому коридору: даже запахи иные — древесных опилок и строительной пыли, а раньше стоял устойчивый дух масляных красок и скипидара. Вокруг стучали, пилили, то и дело сновали с досками и фанерой люди в жёлто-голубых комбинезонах. У Татьяны сердце сжалось нехорошим предчувствием. Да. Никаких комнатных цветов и, главное, своего кактуса в кабинете она не увидела, потому что не было даже знакомых окон. Вместо старых вставили пластиковые — белые, одинаковые и... чужие. Она обреченно медленно прошла из конца в конец здания и хлопнула дверью на прощанье.

Ночью Татьяне приснился сон, будто раздавленный чьим-то сапогом в зелёную лепёшку

кактус обиженно смотрит на неё блестящими колючими глазками. Она проснулась с колотящимся сердцем и долго лежала без движений, дожидаясь рассвета. Тьма обратилась в сумерки, которые незаметно таяли, оседая в углах комнаты. Наконец солнечный луч проткнул зеркало шкафа и горячо резанул по глазам отражением. Татьяна устало отвернулась.

Нехорошее предчувствие не покидало художницу Татьяну Устименко. Хотя она старалась видеть только перемены к лучшему: Борис работал на подъёме. Появился стимул — в городские мастерские зачастили приезжие искусствоведы, а попросту — купцы. Дамы в укороченных узких штанишках, запахнутые в дорогие палантины, с небрежным прищуром уверенных в своём бизнесе глаз. Вибрирующие седые мальчишки в шейных платках, гениально-рассеянные и откровенно циничные. В этот заезд они внимательно осматривали картины для выставки-продажи в Париже.

Само сочетание слов «выставка-продажа в Париже» звучало музыкой. Художники скупно пересказывали друг другу о проходивших в их мастерских торгах. Боялись сглазить удачу, веря в приметы, как все творческие люди. А те, к кому иностранные купцы ещё не постучались, томилась в напряжённом завистливом ожидании.

И вот в совершенно неподходящее семейное время телефонный звонок раздался в квартире Устименко и твёрдый женский голос, нажимая на «эр», прозвучал темой судьбы: «Борис Виктор-рович? Мы к вам придём, Борис, завтра после обеда. Нас теперь интересуют только ваши картины».

Муж вернулся в кровать совершенно ошарашенный, закаменевший и недоступный в своих мыслях, молча смотрел мимо жены. Рассеянно потеревил кружевную отделку наволочки и тихонько причмокнул, точно уже держал в руках изданный во Франции международный каталог с иллюстрациями своих картин. Татьяна тоже молча ждала, пытаясь разгадать, откуда приходит этот её страх — извне или же из дальних запасников сознания.

— Я думаю, слишком у многих они бывают и, наверное, говорят всем одно и то же... — Борис сжал губы.

— Говорят, что их особо интересует соцреализм, берут всё, даже портреты передовиков производства. Зачем они им?.. — не утерпела Татьяна.

И муж неожиданно вспыхнул:

— Как ты не понимаешь! Это же уходящая натура, которая больше никогда не повторится. Профессиональное качество коллекционера — купить сегодня за копейки то, что будет завтра стоить состояние. Но и художник, в свою очередь, должен уметь ловить малейшие знаки времени, быть зорким. Но не подозрительным. Потому что это слишком кривая линия. Она не приведёт к результату. Но дело даже не в этом. А в возможности полной реализации. Ты услышала моё удареие — полной! Кто смог этого добиться? Только те, кто ощутили аромат успеха. Учужали! И я сейчас ощутил. Нам, Танюшка, нужен этот успех. — Борис потянул на себя одеяло. — Не будем закрываться складками парнасского хитона, прятать свои земные желания, когда нужно думать и говорить о лучших жизненных условиях. Кто достоин их больше нас? Молодым организмам естественно стремиться вверх! И я не намерен до старости прозябать в отцовской квартирке, в этом городишке. Художнику необходимо видеть мир.

— Ты начал с «полнейшей реализации», а закончил «условиями». Не хочешь определиться, что тебе важнее?

— Да как же ты не понимаешь! Одно невозможно без другого. В моих словах нет противоречия. Малейший шанс мы должны использовать по максимуму. Ты тоже должна всячески участвовать, включать интуицию. И даже обаяние. Нельзя упустить наш шанс.

Татьяна слушала его с согласной улыбкой, но глаза оставались серьёзными.

За окном посыпал снег. Нарядный, лёгкий. Татьяна замороженно следила за тем, как короткие пунктиры белым штриховали серость неба: «Совсем необязательно искать нечто совершенно особенное в картинке каждого дня. Достаточно, чтобы снег, дождь, солнце, луна за окном были настоящими».

* * *

Заезжие искусствоведы взяли у Бориса три картины, пообещав баснословные по здешним меркам суммы после продажи картин и оставив символический задаток. В подтверждение сказанного через три месяца из Франции пришёл шикарный каталог, где рядом с репродукциями картин Бориса значилось на двух языках — «Б.В. Устименко». И когда Татьяна рассматривала каталог, осторожно переворачивая страницы, не покидало ощущение, будто приоткрылась дверь, за порогом которой нечто большое, светлое, мощное. Душа её замирала в предвкушении — а что же произойдёт дальше? Так хотелось поверить — вот оно, пришло, начинается — репродукции в парижском альбоме, наконец-то! И даже трудно выговорить это самое «наконец-то». Ведь оно ещё не прописано до конца, ещё самое начало, точно солнце, что не вышло из-за горизонта. А свет уже есть. Он виден!

Татьяна смотрела на Бориса с восхищением. Он принимал как должное, хотя и пытался не выдавать своего торжества.

— Надо двигаться дальше. По большому счёту, ещё ничего не произошло, — говорил он, а глаза его ликовали. — Главное для художника — наличие свободы. Мы родились в счастливое время. Вот к чему теперешние преобразования в стране. Вот для чего всё нынче и придумано. Через мою свободу будут познавать собственное «я» — толпы, тьмы... И важно, чтобы зритель почувствовал мою искренность, нельзя прятаться за недоговорённостью, нельзя сфальшивить. Нужно работать за пределом предсказуемости. Ты чувствуешь пульсацию мазков? Их ритм! Полифонию красок! Вот где прячется глубина, суть творчества. А сюжет — это только ширма, чтобы завлечь зрителя. Эх, сколько ещё работы...

Он говорил серьёзно и строго, будто боялся, расслабившись, потерять свою устремлённость к этому самому «запределью предсказуемости». Татьяна обняла мужа. Он откликнулся, но смотрел мимо, и даже не в пространство, а в самого себя. Будто видна ему стала светлая вечная душа, которая помещается внутри человека, и проявляется в нём, и гово-

рит, и растёт, словно дерево. Душа разрастается, заполняет каждую его клеточку, пробив тело, выпускает ветви вне — и тогда человек творит! «Человек и творец — слова мужского рода. Даже внешне мужчина выше, сильнее женщины. Мужчине доступнее недостижимые цели, потому что он бесконечен в своём росте. И видит больше красот мирских и надмирных, и большой восторг наполняет его сердце. А удел женщин — искусства прикладные», — отец Татьяны верил в свои слова и такой же веры требовал от жены и дочери.

Татьяна же нисколько не сомневалась, что все самые великие произведения искусства за прошедшие века создали мужчины, чувствуя рядом с собой полное доверие женщины, которая служила мужчине беззаветно, признавала в нём силу и ум, его главенство и усиливала процессы творческие, обостряла интуицию, заряжала стремлением и энергией, потому что верила в него.

Татьяна отпустила Бориса и отступила на шаг, прижалась к стене и выпрямила спину.

* * *

На следующее утро Борис начал работу над новой картиной. После «Люди-звери», динамичной и напряжённой, словно заряженной неумолимой динамикой эволюции, Борис вдруг обратился к натюрморту с засушенными растениями.

Татьяна выждала, пока муж выплеснул первый заряд творческой энергии в распределении цветочных пятен подмалёвка, принесла большую, как он любил, чашку со свежеспаренным травяным сбором.

— Всё статично и созерцательно, — дую в чашку, рассуждал Борис, — я изучал растения, пытался понять их внутреннее устройство. И я осознал, вернее — почувствовал. А теперь зритель обязательно должен увидеть эту духовную часть натюрморта, прежде всего духовную. Потому что беспредельно познание и безгранична красота...

Борис умолк, недоговорив. Будто приговлял перемену в себе. Он, конечно, понимал тяжесть ответственности перед реаль-

ностью, которую предстояло вскрыть, чтобы явить тайну роста и цветения. Стоял неподвижно, сжимая губки в клювик. После долгой паузы продолжил с особенной таинственной интонацией:

— Прежде чем смотреть на картину и пытаться проникнуть в неё, зрителю нужно бы разобраться в собственном «я». Дать себе труд разметать школьные условности, наследственный абсурд, подобный илу. Он-то и заставляет принимать неестественное за естественное. Я же буду изображать не вещи, а суть их душ. Не знакомые формы, а ступки цвета, несущие в себе информацию. Я чувствую в себе столько сил, — Борис вещал каким-то незнакомым голосом. — Столько замыслов, что мне ненавистна ночь...

И опять повисла пауза. В наступившей тишине возникло ощущение фальши. Отдав недопитый чай жене, Борис энергично заходил по комнате, широко вышагивая среди разбросанных под ногами старых утюгов и кувшинов, изящно минуя так и не распакованные самовары. Ощущение театральности происходящего дополнял стойкий запах красок, смешанный с ароматом душицы, зверобоя, чабреца, тысячелистника. Татьяна решила разрядить ситуацию и лукаво улыбнулась.

— А тебе никогда не приходило в голову написать мой портрет? Руки ты увековечил ещё в институте, а теперь я хочу, чтоб целиком!

Борис удивлённо взглянул на неё и включился:

— Обязательно напишу! Твой портрет будет так прекрасен, что ты сама себя не узнаешь!

— Но чтоб на шее у меня были жемчуга, в ушах — изумрудные серьги, на голове — бриллиантовая тиара, на пальцах — кольца, а на запястьях — браслеты с сапфирами. И чтобы все камни — покрупнее. И золотые часы не забудь!

— А это ещё зачем? — опешил Борис.

— Я повешу его на самом видном месте. И если вдруг я уйду из жизни раньше, твои молоденькие поклонницы умрут от зависти, глядя на мои драгоценности. И даже когда ты будешь уверять, что на самом деле их не существовало, тебе никто из них не поверит. Они станут думать, что ты старый скряга!

— О, коварная! — заломил руки Борис и ки-

нулся к жене с объятьями. Татьяна увернулась, ещё минут пять они хохотали и смешили друг друга. Настроение обоих поднимала надежда новой большой творческой работы, нового успеха, новой победы.

Потом Борис снова посерьёзней и говорил что-то о своих натюрмортах. Татьяна кивала, стараясь таким образом участвовать в разговоре, и при этом медленно соображала, как ей закончить свою собственную работу.

* * *

В магазинах города вдруг исчезли шерстяные нитки, материал для гобеленов, с которым Татьяна привыкла работать. Продавали или дешёвую синтетику, не поддающуюся окрашиванию, или дорогущий мохер из заморских стран. Куда исчезли мотки шерсти отечественного производителя, никто ответить не мог. Впрочем, удивляться не приходилось. Страну пятый год лихорадила перестройка, в государственных магазинах товары исчезали целыми стендами, а появлялись в частных лавочках, но уже с заоблачными ценами, с яркими, сплошь заграничными наклейками. На такие Татьяна смотрела издали. Заказов не было, работая впрок, в надежде на будущее, приходилось выживать, экономить на всём. Если б не помощь родителей, даже представить страшно... Тут ещё и шерсть пропала.

Последний гобелен задуманного триптиха стоял готовый лишь наполовину. Неделя, месяц, полгода... Татьяна приходила в отчаяние. Диковинные цветы, напоминающие цветки лопушистого кактуса, расцвели понизу гобелена. А мальчишка, который должен держать в руках гнездо с птенцами, русоволосый амур в холщовой русской рубашке, появился на гобелене лишь рыжеватыми лаптями. Как закончить, если нет шерсти?

Слушая советы добрых знакомых, Татьяна носилась по магазинам и рынкам — всё нарасно. Она наконец стала ежедневно приходиться на главную городскую барахолку, куда и продавцы, и покупатели съезжались со всего края, — вдруг кто-то выложит нужный ей товар. Проходя по ряду с обувью, куда она реши-

лась заглянуть из-за надвигающейся проблемы — замены собственных растоптанных полусапожек, вдруг услышала своё имя. Татьяна не сразу узнала в располневшей молодухе с прищипленной пышной копной жёлтых волос над дутым, по последней моде, воротником необъятной куртки жену Константина Бегунова, с которым Борис учился в художественном училище до поступления в Строгановку.

По приезде в город чета Устименко несколько раз оказывалась в компаниях вместе с Костей и его женой Вероникой. Но со временем компания распалась, все разошлись по своим дорожкам, погрузились в собственные проблемы. И вот теперь Вероника сидела, подперев пухлую щеку маленьким кулачком, рябящим тёмными пигментными пятнами на розовой коже. Сидела она в окружении заморских башмаков, развешанных и разложенных на витрине. Татьяна ещё раз взглянула на её кулачок. Такие пятна бывают, кажется, у людей с расстроенными нервами. Оглянувшись, ища глазами Костю, который тоже, как рассказывал Борис, торговал на рынке.

В своё время, женившись сразу после окончания художественного училища, Костя вместе с женой уехал в Грозный. Преподавал в техникуме, где работала филологом и его Вероника. По собственному проекту умелец Костя выстроил дом вроде замка — из местного камня и подсобных материалов. Дом этот походил на картинку из старинной книги — украшенный диким камнем, авторской лепниной, резьбой по дереву. На стройку годилось всё: и стеклянные бутылки, и корни вековых елей, лоснящиеся после обработки, и железные двери бомбоубежища. А внутри по стенам шкуры и рога — охотничьи трофеи, которыми так гордился Костя. На этот дом приходили посмотреть, словно на музей или историческое здание. Дом стал предметом удивления и зависти всего района, а потом, когда наступили лихие времена, причиной страха за жизнь его обитателей.

Не поддаваясь угрозам, Костя и думать не хотел о продаже, переезде на другое место жительства, пока знакомый полковник (а Константину не раз приходилось выполнять заказы воинской части по наглядной агитации и оформлению офицерского кафе, вмес-

то оплаты ему на стройку присылали солдат-строителей) не пришёл прощаться: «Часть выводят. Утром грузимся с вещмешками. Приказ: оставить оружие, оборудование, припасы. Всё бросаем. Это конец. Беги, пока сам жив и семья с тобой».

Символические деньги за свой необыкновенный дом Константин всё ж получил от директора техникума. Их хватило только на то, чтобы приехать на Кубань и купить дачный участок недалеко от Краснодара с лёгкой сараюшкой-мазанкой посередине. Выращивать овощи здесь не имело смысла, их нельзя было употреблять в пищу — рядом непрекращающийся поток машин. Строить новый дом не было ни сил, ни средств, ни тех природных материалов, с которыми привык работать Костя.

В первое лето подсобными средствами утеплили сараюшку, выложили печку, запасли дрова. Костя брался за любую подвернувшуюся работу. Пригодился и опыт строителя, и дизайнерское видение, и, конечно, дар художника. Всё заработанное вложили в дело, способное быстро принести прибыль. Костя с женой начали ездить в Турцию за товаром — челночить, не жалея ни сил, ни здоровья. Надежды оправдались, ведь производство с распадом СССР останавливалось, потому товар — от косметики до всяческого инструментария — привозили из-за границы и продавали с лихвой прибылью. Нароботали контакты, утряслись со специализацией на обуви. Семья быстро материально окрепла. Вот только художественно одарённая Костина душа немела и усыхла. Строить новый дом отказался наотрез. Во вторую зиму снимали квартиру. Через два года скитаний въехали в собственное жильё, «голубятню», как называл Костя крохотную однушку на девятом этаже.

Всё это мигом пронеслось в голове Татьяны, когда она заговорила с Вероникой. Та оценивающим взглядом стрельнула в Таню, чуть задержалась на её полусапожках, мазнула «расписным» кулачком кончик своего простуженного носа, будто поставила точку, и зачастила:

— А мы новую квартиру купили — трёхкомнатную! Ремонтируем потихоньку. Костя старается! Писать картины некогда, так он фотоаппаратом теперь «рисует». Портреты через

«фотошоп» получаются — загляденье! Его и свадьбы снимать приглашают. И крестины с похоронами. Уже прям очередь выстроилась! А он как на грех с ребятами из спецназа сошёлся. Он же ещё в Чечне с военными дружил. Теперь вот опять, — Вероника вздохнула, поспешно спрятала тревогу в сощуренных глазах. — Боюсь я дружбы этой. Боюсь, как бы он от меня не сбежал. Фотографировать в боевых условиях... С него станется. Ты бы видела глаза Кости, когда они ему про войну рассказывают, — она наконец перевела дух, сделала паузу, давая возможность Татьяне осознать серьёзность услышанного. — Ну а твой Борис как? Пишет, работает?

Татьяна кивнула, радостно поведала о мастерской и последних полотнах мужа, купленных иностранными агентами. Как всегда, начав говорить о картинах Бориса, Татьяна уже не могла остановиться. Ей хотелось рассказать всё сразу, начиная от выставки в Париже и до придуманной Борисом энергетике цвета и мазков, через которую передаётся мысль художника. Чем больше говорила Татьяна об успехах, тем заметней на лице Вероники проявлялась глубоко спрятанная тоска. Бодрая весёлость её осталась только в застывшей улыбке, а взгляд точно обесцветили. В какой-то момент она резко отвернулась, отвечая на вопрос подошедших покупателей. И Татьяна почувствовала себя слегка виноватой: как же не ощутила, что разговор о творчестве для Вероники, оказывается, до сих пор больная тема. Но в то же время разве Татьяна особо хвалилась чем-то? Вон как ловко Вероника уговаривает сомневающихся покупателей. А Татьяна стоит в разбитой обуви, заношенной парке. Ни собственной квартиры, ни доходного места на рынке. Есть лишь мастерская. Да и та под угрозой высокой арендной платы. И ещё есть счастливый блеск в глазах Бориса, когда тот стоит за мольбертом.

— Этот его мир всё же слишком мужской! — сбавила тон Татьяна. — Слишком... Ну хоть бы небесный просвет или какая-нибудь одинокая звезда! «Люди-звери» — этим же всё сказано. Движение есть, его чувствуешь и догадываешься, куда оно направлено. Вернее, не хочется верить, что всё безнадежно. Вот и в послед-

ней картине — букет, из которого вышла жизненная сила, осталась слабость, осталась память о жизни, видимость её. ...Мне даже страшно иногда подходить к картине Бориса. Ой, не будем, не будем об этом. Он уже рисует новую вещь. Значит, и мысли у него поменялись. Он в поиске, да, выставка в Париже должна многое определить. ...А я со своими гобеленами не могу ничего двинуть. У меня всё амурсы да птицы райские. Цветы задумала невиданные, а шерстяных ниток для них найти невозможно, — Татьяна примиряюще улыбнулась, а Вероника снова взглянула на её полусапожки и, подавив вздох, пообещала найти подходящую шерсть.

— А пока, может, обувь примеришь? Я тебе дешевле отдам.

Татьяна принялась выбирать, а Вероника вдруг:

— Детей у вас так и нет?

Татьяна покачала головой, положила на место сапожки и попрощалась.

* * *

«**А** что за обязательность такая для всех — заводить детей? Зачем дети, когда человек призван творить! — прижимая сумку к груди, Татьяна проталкивалась к выходу с рынка. — Ладно, кому таланта не дано. А художнику? Дети разрушают самое интимное и недоступное, что бывает у женщины, потому что соединяются с матерью пуповиной. Они, наверное, и душу у неё забирают тоже, часть души уж точно. Чего удивляться тогда, что среди женщин так мало гениев? Понятно, куда уходит наш женский талант...»

Татьяна шагала всё медленней. Шла по пустой рыжей улице. Дороги высохли, и стоило дунуть первым весенним ветрам, как в глаза полетела мелкая пыль, тонкий сухой порошок, приготовленный небывало долгими для юга морозами. По пыльным улицам ветер вяло перекачивал рваные прошлогодние листья. «Сначала они были запакованы в тугие клейкие пелёночки-почки... Потом — ржавые скелеты И вот — пыль. Так во всём. Чем больше проходит времени, тем страшнее думать об

этом. Время летит в смерть, стремится в небытие. Для него не имеет значения всё остальное. Действительно, если художник своим искусством не даёт людям понять, почувствовать, ощутить смысл и цену столь скоротечной жизни, то зачем его творчество? А смысл и цена жизни невозможны без устремления в будущее. Значит, круг замыкается...»

Последний вопрос Вероники: «Детей у вас так и нет?» — звучал у неё в ушах.

* * *

Ветер обмяк, с юга выкатились дождевые облака, готовые вот-вот пролиться на город. Татьяна вовремя вошла в квартиру, когда первые острые капли чиркнули по асфальту, и с порога Борис огорошил её:

— Да-да-да! Всё уже произошло. Мои работы благополучно продали, а мне пришлют целых сто долларов.

— Всего сто долларов? Шутишь? Откуда ты узнал? — Татьяна смотрела на взволнованного Бориса. Лицо его покрылось красными пятнами, глаза из-под бровей сверкали чёрными угольками.

— Мне позвонили. Не из Парижа! — опередил он вопрос Татьяны. — Из Москвы.

Татьяна машинально двигалась по квартире, щёлкнула выключатель, потянула на себя дверь, умывшись, растерянно присела на край ванны. Супруги почти не говорили о продаже работ в Париже, но оба понимали, что только это спасёт от нищенского существования. Пусть хоть на какое-то время наступит передышка, чтобы собрать силы для следующего рывка, чтобы иметь возможность заниматься творчеством. Супруги Устименко оба почти ничего не зарабатывали в эту зиму, немного денег присылали родители Татьяны да Виктор Семёнович давал на оплату коммунальных платежей, по которым уже имелись долги. И вот рухнула последняя надежда, Борис получит несчастных сто долларов...

— Коту понятно, что все художники для галеристов — негры. Особенно начинающие, — осторожно присевшая на невысокую колченогую табуретку к почти пустому обеденному

столу, Татьяна перевела дух, пригубила водички, чтобы голос не дрожал. Она видела состояние Бориса, и кому-кому, а ей-то известно, сколько сил он вложил в свои картины и как ждал вестей от агентов. И после паузы: — А какого художника у нас пощадили? Скоты. Безжалостные тупые подонки. Им не понять, не почувствовать. В твоей последней картине глубокая философия. Да и во всех остальных тоже! Ещё в институтской, помнишь, панорама занесена сугробом, такой уравнивающий ландшафт, но если смотреть и думать, если долго стоять перед картиной, то сугроб этот исчезает и проявляются вещи поразительные. Борис, поверь, ты сам ещё не всё понимаешь в себе! Философия постижения человека — вот что в твоей картине. Когда они там, на Западе, разглядят, они сами прибегут и будут просить новые работы. Ты только не останавливайся! — Татьяна вдруг поняла, что произнесла слова, которые родились помимо её воли.

Борис угрюмо молчал.

— Ты очень талантливый! Может быть, специально такую смешную цену назначили, чтобы сбить тебя с ног, лишит возможности работать. Может, у них там план такой — перемалывать наши таланты. Не веришь?! А я верю в... — Татьяна хотела добавить ещё про коварство и пятую колонну, но горло резануло, и, спрятав лицо в ладони, она беззвучно заплакала.

* * *

Голодное и неуютное, но всё же насыщенное творчеством время работало на молодых художников. За гобеленный триптих, который чудом удалось закончить, а затем выставить на краевой, достаточно престижной по местным меркам выставке, Татьяну приняли в Союз художников России. Так что её «бабьи коврики», как иногда шутил муж, получили местное признание наравне с картинами Бориса.

Размещённые в самом центре экспозиции, гобелены сияли красками не хуже работ живописных. Летнее солнце из огромных окон щедро заливало залы, и амуры-пастушки с феями-пастушками в окружении цветов и птиц точно светились. Глаза, улыбки, розовые

щёчки, развевающиеся волосы — всё вылеплено мастерски, соткано так, будто прорисовано кистью. Такого могла добиться не просто мастерица, владеющая техниками ткачества, постигшая секреты ремесла, но талантливая, с тонким вкусом художница. Или настоящий художник!

Членский билет Татьяне вручал московский представитель правления Союза художников России. Вручил и расцеловал на торжественном закрытии выставки под аплодисменты известных южнороссийских мастеров — народных и заслуженных.

— Большого вам творческого пути! — повернувшись к публике, москвич, огромный, в чёрном пиджаке нараспашку и широко, сбитом набок галстук, быстро промокнул платком мокрый лоб. — А знаете, когда я почувствовал себя знаменитым? — он снова обратился к молодой художнице. — Нет-нет, не после персональной выставки, а когда из одного краеведческого музея украли именно мою картину! Желаю вам испытать нечто подобное, дорогая Таня!

И вслед за билетом в руках Татьяны оказался букет чайных роз, метровых, в жёстком целлофане, перевязанном алой лентой. Татьяна ликовала — вот тебе и «бабьи коврики»!

Борис всё время находился рядом и во время торжества, и на коротком фуршете, в который раз повторял и повторял жене, что членский билет Татьяна получила заслуженно и это признали все. Потом вместе они бежали по залитому мягким осенним солнышком городу на переговорный пункт, и счастливая Татьяна кричала в телефонную трубку: «Папа, меня приняли в Союз! Дай маме телефон. Мамуль, мне вручили билет, сейчас, на выставке региональной! Мы с Борей здесь, мы счастливы! Спасибо вам за всё!» И она слышала в ответ дрожащий голос матери и басовитые отрывистые слова отца, мол, ждал этого со дня рождения дочуры.

Дома Татьяна ещё рассматривала членский билет. Вот эти твёрдые корочки из кожзама с золотистыми буквами и чёткой синей печатью, в которых чёрным по белому написано, что Татьяна Устименко — профессиональный художник, — итог десятилетней каждодневной

работы. Жаль только, на фотографии она похожа на испуганного подростка. Билет лёг рядом с билетом Бориса в верхнем выдвижном ящике комода. Теперь она тоже имела право на мастерскую как одна из самых молодых и перспективных.

И что дальше?

* * *

Заказов не было. Зато слухи о том, что мастерские художников будут отбирать, с каждым днём становились все убедительнее. Теперь супруги Устименко вместе ходили на общие собрания творческого союза, надеясь как-то повлиять на ход событий. Собиралось много народа, были здесь и длинноволосые, в ярких холщовых рубахах с разноцветными поясами старики, и в куртках-косухах, увешанные металлом, молодые. Выделялись, держась обособленно, строгие мужчины в тёмных дорогих костюмах. Женщины всех возрастов радовали экстравагантными нарядами. Татьяна с интересом наблюдала за высокой красноволосой девушкой в блузе-батике под толстовкой и в платье крупной вязки.

На заседаниях поначалу говорили тихо. А к концу собрания сизый, точно прокуренный, воздух зло сотрясали громкие крики. Заслушивали председателя, членов правления, кто-то приносил вести из коридоров власти. И каждый раз, не дождавись добрых вестей, все присутствующие, кто в полную грудь, а кто лишь озабоченно поддакивая выступающим, дружно возмущались новым положением художников. Старики требовали, чтобы закупки на картины стали регулярными, как «при советской власти». На вопрос — «кто выступит заказчиком?» мялись и ругали Москву. Среднее поколение вопило про свои мастерские, за которые невозможно заплатить по новым условиям ЖКХ, а без мастерских творчество невозможно вообще, и целый город, а заодно и край остаются без новых художественных работ. Бурно и бестолково зывали к чиновникам, которые в очередной раз не откликнулись на приглашение и не явились на встречу с творцами, зато «департамент культуры отме-

нил индексирование средств для всех творческих союзов». И с каждым таким ярым выплеском эмоций в бездонную тишину становилось всё более ясно, что новой власти не нужны ни художники, ни писатели с композиторами. Ответно те грозили самыми решительными мерами, вплоть до пикета у дверей администрации края, если положение дел не улучшится в самом скором времени.

На первых собраниях Татьяна только испуганно переводила глаза с одного выступающего на другого. Флегматичный Лёня Кнышев, блестя массивным черепом и подрагивая узким подбородком, вещал с трибуны громко, не давая перекричать себя, и одновременно плавно-раздумчиво. Ему хотелось помочь выговорить наконец то, что и так понятно всем пришедшим, — мириться с нынешним положением вещей больше нельзя. Лёня помнил Татьяне как автор картины в безнадежных серо-коричневых тонах, изображающей мальчика, такого же бритоголового, как сам Кнышев, тонкошеего и неуклюжего.

Молодой импульсивный Саша Кот, приходивший на собрание как в ночной клуб в каких-то особо дырявых джинсах и золотисто-красной индийской рубашке, задорно и пафосно кидал обвинения в адрес руководителей Союза. Горделиво посматривая по сторонам, Саша увлекательно произносил совершенно абсурдные вещи. Легко предлагал присутствующим идти на социальные провокации, как будто мазал широкой кистью очередное полотно, разобранными на части лицами и ломаными геометрическими фигурами, цветовой экспрессией напоминающими резкие отрывистые звуки.

Виктор Магометович Уваров, председатель Союза, вроде русский человек, но с неожиданным для таких имени и фамилии отчеством, с неизменным спокойствием обводил присутствующих взглядом пронзительных глаз и грустно кивал пышной седой шевелюрой. И лишь иногда лукаво шурился на самые громкие слова. Похоже, он знал куда больше, чем мог бы рассказать коллегам. И Татьяна чувствовала к нему недоверие.

Борис, уже со многими перезнакомившийся близко, шепча на ухо жене свои суждения о

происходящем, сопровождал их весьма нелюбимыми характеристиками выступающих. И в его шёпоте она ловила те же интонации, что и в репликах с мест, — злую иронию, даже сарказм, выдающий ревность к чужим успехам и, пожалуй, даже зависть.

— Мы не о том говорим, — высокий толстый старик с большими обвисшими усами, в тонком сером костюме с орденскими планками на груди, тяжело поднялся с места. — Мы должны решать творческие вопросы. Мы же художники. Мы должны чувствовать время и отображать его. Это наш долг перед своим народом. Вы видите, как всё тонет в чернухе. Мы обязаны сегодня найти своего героя, положительного героя...

— Да художник вообще ничего никому не обязан! — хамски перебил его узколицый лохматый парень, сидевший рядом с импульсивным Сашей Котом. — Хватит кормить нас вчерашними догмами! Я создаю своё полотно и выражаю себя! Своё понимание мира. Этим я интересен. И мне плевать на всех ваших положительных героев. И отрицательных. У меня есть один герой — я.

— Да с твоими картинами и после твоей смерти специалисты не разберутся, что на самом деле ты хотел сказать в назидание потомкам.

Лохматый парень воинственно вскинулся, пытаясь достать обидчика.

На парня зашикали, но за него вступился Саша Кот:

— А если вы такой идейный, Степан Ильич, зачем же тогда свои картины американцам продали? У вас ведь там только передовики производства да трудовые будни процветающего социализма. А вы их за доллары — буржуям. Вот так все положительные герои и перевелись!

— А вот об этом, молодой человек, не вам судить! — затряс усами старик — У меня выхода не было — негде хранить полотна, что, мне картины на свалку выбрасывать!

В зале разом зашумели, закричали.

— Да сколько же мы будем слушать этих выскочек. Рисовать не умеют, а «якать» — пожалуйста! Уже прошли по вашим дорожкам постмодернизма, до тупика прошли! И уже все поняли, что нет там ни оригинальности, ни истинного мышления. Нет духовности! А без

духа искусство мертво! Особенно наше, русское. — Белолицый румяный очкарик в клетчатом пиджаке вскочил, точно попрыгунчик на пружинке, быстро выпалил свою тираду в сторону узколицего и опустился на место.

Понеслись выкрики об уважении, о совести. Разговор явно уходил от заявленной темы и, значит, опять должен был закончиться ничем. Председатель Виктор Магометович молча улыбался, отстранённо разглядывая поверх качающихся голов тяжёлые пыльные портьеры на окнах, потолок в тёмных разводах трещин, тусклые светильники по стенам. На какое-то мгновение его глаза встретились с глазами Татьяны, и она разглядела в них тоску уставшего от жизни человека.

— Мы вообще не об этом должны говорить! — кричал спортивный мужчина с ухоженной, на скандинавский манер, безусой бородой. — Работать нам ещё есть где, а вот чем работать? Где краски? И где рамы? В городе невозможно найти багет. Если мне нужно оформить картину, я приспособливаю доски от фанерных ящиков! Я, заслуженный художник России, бегаю по магазинам и мебельным мастерским и вымаливаю кусочки багета. Сколько это будет продолжаться?.. Неужели нельзя наладить собственное производство?.. Или поставки?..

Татьяна на положении новичка сидела тихо, не отвечала даже на шёпот Бориса. Она, прикладница-гобеленщица, хоть в сердечной тайне и надеялась на широкое признание, но пока пределом мечтаний было вступление в Союз художников. И вот сейчас те, кто казались ей небожителями, — её коллеги, маститые и титулованные, участники престижных выставок, чьи работы в лучших музеях и галереях страны и зарубежья. Она хорошо помнила, как ещё девочкой во время выставок отец знакомил её со своими друзьями. И они подводили Таню к своим полотнам, и от авторских рассказов около картин всегда происходило открытие прекрасного, главного и порой неожиданного в мире, что доступно лишь большим мудрецам и настоящим мастерам.

Наслушавшись взрослых разговоров, она потом долго размышляла о задачах и возможностях творчества, пытаясь проникнуть в обозначенную взаимосвязь вертикального и

горизонтального на всех уровнях: перспектива, звук, цвет. Например, вертикаль и горизонталь, нижний горизонт и орнамент переднего плана заключают в себе процессы естественные и самые значимые: ростки вновь рождённых растений — это путь всей жизни, зерно-росток-ствол-цветок-плод и опять зерно. Пересечение вертикального и горизонтального в звуковом пространстве: звук «о-о» вытянутая вертикаль, отрывающая ноги от земли, «у-у» падает, увлекая за собой вниз, в преисподний у-жас, звук «е» — горизонталь, звук «а» — широта, объединяющая всё вокруг. И художник должен чувствовать это объективное строение самых важных составляющих окружающего мира, обращая всё к языку цвета. В нём тоже вертикаль и горизонталь: чёрный и белый цвет, и пересекающий их красный. Как много заключено в этих пересечениях, как много производных от них! И важно, каким основным цветом, какой цветовой группой говорит художник. Впоследствии творческие искания Татьяны опирались на эту ясную систему цветового пересказа сложных пересечений множества линий жизни.

Став равноправным членом Союза художников, Татьяна надеялась участвовать в обсуждениях творческих исканий друзей-художников, быть в курсе их новых наработок и проблем, тем самым расширять свой горизонт, находить направления, о которых, может быть, раньше и не задумывалась. «Достигают высот только совладавшие с собой: со своими сомнениями, с равнодушием или суетой, главное, со своей ленью и ограниченностью в себе», — учил её отец. И теперь перед её глазами должно появиться столько примеров для подражания! Но...

Но даже первые встречи в Союзе художников несли разочарование. Насколько по отдельности каждый мастер был интересен именно своей личностью, настолько, сойдясь вместе, эти же мастера и таланты вдруг превращались в злую и оттого глупую свору. В речах выступающих с трибуны и репликах с мест звучала одна и та же явная взаимная неприязнь, ирония то и дело скатывалась в площадную грубость. На ехидные реплики задетые отвечали тем же, перепалка вспыхивала со всё

более горячей агрессией — раздражённость и никому не нужные страсти взвинчивали всех присутствующих, а время уходило.

«Ходим на собрания всю зиму — одно и то же. Неужели всегда так было? Борис же, когда ещё ходил один, рассказывал о собраниях художников с пафосом и бравировал самыми звучными фамилиями, а сейчас как-то притих. Врал? Качал значимость?» Татьяна косилась в сторону мужа. И её озадачивало выражение его лица, наигранно бесстрастное, как будто Борис, не теряя времени, позировал кому-то.

На самом деле так он старался скрыть свой страх. Каждый раз на собрании Борис чувствовал, как им овладевает душевная неуверенность. Что все они говорят, о чём спорят? Сколько лишних слов об «отношении властей к нуждам творцов». Какие для новой власти «творцы»? Кто все эти бородатые и лысые, как правило, плохо одетые люди, гордящиеся уважением в прошлой советской эпохе?.. Да к ним никакого уважения у нуворишей, потому что для новой власти никакой необходимости в художниках нет! Впрочем, Борис догадывался, подобное испытывали и все присутствующие в зале. И потому злились.

И, похоже, в скором будущем ничего не изменится. Новых закупок картин не будет — ни от предприятий, ни от музеев. Хотя периодически кое-какие обещания от картинных лавочек всплывали. Борис готовил несколько работ на продажу: натюрморты, пейзажи, Татьяна — свои гобелены. Надежды оправдавались только с мелочёвкой. Сущие копейки.

«Лишь бы не отобрали мастерские, вот о чём надо молиться. А не помогут молитвы, тогда уж... Багет мы как-нибудь сами добудем. Или просто обобьём планками. Хотя работы без багета ой как проигрывают...» Мысли Татьяны то и дело возвращались к делам семейным, к самому важному на сегодняшний день — пустому кошельку.

Её огромные роскошные гобелены, её славянский триптих — лучшее, что удалось сделать, давно вернулись в мастерскую. Не признаваясь самой себе, Татьяна радовалась их возвращению, ведь благодаря этим работам она признана профессиональным художником. Оставаясь одна, вглядывалась, снова всматри-

валась в них, порой представляла, какие слова и как звучали на обсуждении её работ. Даже не верилось, что всё уже произошло! И от мысли, что с гобеленами когда-нибудь придётся расстаться, становилось не по себе. Хотя серьёзных оснований для волнения, увы, не было.

* * *

Приходя с утра в мастерскую, в которой раньше Борис часто засиживался за полночь, Татьяна вытирала пыль, перемывала кисти и перекладывала разбросанные по полу тюбики, то и дело застывая между расставленных картин, этюдов, рассматривая их при дневном и электрическом освещении, при солнечных бликах или пасмурной погоде. Долго стояла перед картиной «Люди-звери», над которой всё последнее время работал муж. Она пыталась определить по ней настроение и даже мысли Бориса, точнее — столь зависящее от его мыслей и чувств их общее будущее. Татьяна смотрела как гадалка, распаковавшая вдруг новую колоду с незнакомыми таинственными рисунками. Ей даже казалось иногда, что, продав работы «купцам» из-за границы, они с Борисом станут жалеть потом. Но продаваемость и есть признание сегодня. «Глупо. Глу-у-по-о...»

Приходивший к полудню Борис вопросительно смотрел на жену, на её непонятную улыбку, замечая, что от попадания солнечного света в тёмных глазах её вспыхивали зелёные искорки, как в ночной реке, на берегу которой они ночевали когда-то в тёплую июньскую ночь.

Называлась река Большой Зеленчук. Бурлила своенравно, то разделяясь на рукава, то вновь сходясь вместе. Петляла она от самого горизонта, от похожих на облака белых массивов гор. Текла по бурым каменистым склонам, по жёлтой спине равнины. Запомнился тот напаренный за день влажный запах глины, сочной травы, подгнивших корней. И тихий звон блестящей воды. Борис не мог отделаться от ощущения, что это не вода, а нечто важное уходило из его жизни, — уходило безвозвратно, вымывалось этим несущимся из неизвестности в неизвестность потоком. Быть может, вместе с песком и глиной река уносила в ночь частицы прошлого,

из которых состоит сам Борис? Впечатления, идеи вливались, смешивались и терялись. Кто знает, как изменится мир, когда он заснёт, проснётся и наступит утро? Вот такой же таинственной показалась ему и Татьяна, с непонятной полуулыбкой бродящая среди его полотен.

* * *

Безликая пустота неопределяемого будущего, обосновавшись в душах, вытесняла из них творческую радость. Всякую радость. Татьяна и Борис не говорили об этом прямо, скрывая растущую тоску под множественностью бытовых тем, как скрывают воспитанные люди свои достоинства. Или чужое увечье. Но скрываемое лишало сил, перекрывало энергию — уже не каждый день мылась посуда, наслаивалась пыль на засохших цветах, Татьяна перестала стряпать любимые Борисом творожные плюшки, а он всё реже ласкал жену, отлёживаясь лицом в стену.

Неуверенность будущего подсекало не только творчество, но и сушило семейные отношения. И с каждым днём всё горше было сознавать свою невостребованность, ненужность, грозящую рано или поздно обернуться непонятным...

* * *

То и дело мысленно возвращаясь в тот ровной день, Татьяна заставляла себя верить, что главной причиной беды стало чувство потери, укрепившееся внутри от долгого «ничего-не-ожидания», чувство неотвратимо объективное и потому безжалостное.

После хлопотливой и всё ж пустой зимы наступило душное лето. Июль стоял очень жаркий. За три недели зной иссушил город. Асфальт улиц плавился от белого солнца. И даже когда раскалённый шар, краснея, скрывался за горизонт, за короткую безветренную ночь город не успевал освободиться от духоты. Казалось, время остановилось и теперь уже никогда не закончится эта слепящая, выжигающая мысли и чувства пытка.

В мастерской к середине дня потолок накалялся до такой степени, что начинал потрескивать, словно сухие дрова в жаркой печке. Поэтому супруги Устименко забегали в мастерскую утром, по прохладе, брали мольберты и шли на пленэр — Татьяна теперь вместе с Борисом занималась живописью. Иногда по утрам, пока в мастерской ещё хоть как-то можно было работать, супруги наскоро правили этюды, придавая им «товарный вид». А когда пот заливал глаза, запирали дверь и снова уходили куда-нибудь в парк, скверы, на берег реки.

С детских лет Татьяна помнила, как рисовал на открытом воздухе отец. Как мать собирала его: наполняла корзиночку продуктами, подавала шляпу от солнца и напоминала кучу всяких мелочей, про которые он обязательно бы забыл. Отец ответно сетовал на то, что жена не художница, а как было бы чудесно работать вместе. И маленькая Таня каждый раз думала: «Обязательно стану художницей. И тогда папа вместе со мной напишет самую лучшую свою картину...»

Теперь, вспоминая мать, Татьяна посматривала на быстро и мелко шагающего чуть впереди Бориса. Время ненужности?.. А если лучшая его картина не написана даже и не задумана ещё и потому, что Татьяна не умеет стать полноценной подругой-художником и заботливой, до корзиночки с плюшками, женой? Может быть, именно этого ему не хватает для постижения некоего высшего, обращённого на него смысла?

Они шли по утреннему городу почти всё время молча. О чём Борис думал рядом с ней? Татьяна старалась попасть в ногу, пыталась отвлечься от грустных мыслей, надеясь потом на месте через живопись приблизиться к мужу.

Они шагали по неровному, выбитому тротуару, сквозь разломы которого пробивалась высохшая щетинка травы. По длинной улице, усаженной пирамидальными тополями-свечками, которые дружной гребёнкой подпирали небо, выходили к набережной, и каждый раз, глядя на широкий серо-голубой монолит реки, на голенастый мост, стянувший берега, Борис наконец-то улыбался то грустно, то светло.

Очень редко во время таких прогулок муж вдруг оживлялся, комментируя поведение

встречных прохожих, обыгрывая вывески магазинчиков, дразня собак, и Татьяна радостно включалась, подхватывала — они веселились и хохотали порой и без причин.

— А помнишь, как к тебе дамочка приставала недавно? Когда мы писали дуб в сквере. Просила продать что-нибудь недорого и в масле, — улыбался Борис. — Так я чуть было не брякнул ей: «Могу предложить банку сардин!» Мы как раз на перекус сардины купили. Помнишь?

Татьяна хохотала:

— Эх, жаль не сказал! Она меня так достала — стала просить, чтоб ей нарисовали Адама и Еву. Я говорю: «Вам как их изобразить: до первородного греха или после него?» Она, как ценитель прекрасного, выдаёт: «Ну-у, это всё уже было изображено, мне лично хотелось бы — во время первородного греха!»

— Любой каприз за ваши деньги!

— Как я поняла, платить-то она не собиралась! Из серии: вы напишите — а я посмотрю да подумаю.

— Случай типичный...

Нечаянно всплывшая тема денег как-то сразу испортила настроение.

Татьяна, чуть отставая, снова старалась не отвлекать вновь замкнувшегося Бориса. А сам он то хмыкал себе под нос, то горбился и мог произнести, опять обращаясь к самому себе, патетическое: «Никакое искусство не сравнится с природой! Да? Каково?» Или: «Нет, сначала нужно жить. Жить! А уж потом философствовать... Это знали ещё в Древнем Риме...» И снова замолкал.

Борис так преподносил обуревающую его глубокомысленность, что Татьяне и мысли не пришло бы подозревать за этими избитыми фразами простое позёрство. Она искренне казалась себе полной невеждой. И искренне же восхищалась, как много глубокого и важного в голове её мужа. От гордости за него даже сбивалась с шага.

* * *

В тот день жара навалилась на город вместе с рассветом, и они решили честно побездельничать и захватить в мастерскую лишь к ве-

черу, чтобы захватить подарок — маленький антикварный самоварчик, с которым перейти в выставочный зал, на открытие выставки нового знакомого — Коли-модерниста. Татьяне он как-то не очень понравился — высокий, тонкокостный и заросший до глаз курчавой щетиной старик-плейбой, но Борису очень захотелось посмотреть: впервые Колины полотна с агрессивно выпирающими треугольниками и фрагментами человеческих тел, дырявыми осенними листьями и рябью кривых линий удостаивались экспозиции в столь престижном зале — в центре города. Загадочные спонсоры проплатили рекламу, и теперь даже высокие чины от культуры собирались прийти на открытие выставки. Раз надо, значит, надо, и Татьяна постаралась выглядеть понарядней. Открытый сарафан со вставками из льняных кружев притягивал взгляды встречных мужчин и любопытство женщин. Но сегодня это не радовало. С самого утра томило какое-то невыразимо напряжённое чувство.

Пожар в мастерской начался, когда солнце вошло в зенит. От высокой температуры оплавилась и перемкнулась проводка на потолке. Помещение долго задымлялось от затлевшей драпки под штукатуркой — о, если бы они не поленились, не устроили себе выходной! А потом всё разом запылало, и в считанные минуты помещение, забитое красками, лаками и растворителями, заставленное холстами и картонами, выгорело дотла.

Пострадала и парикмахерская, что располагалась через стенку. Но, как выяснилось, она была застрахована. А вот их вещи... их жизнь... все картины, этюды, все подрамники, холсты, краски, кисти, гобелены, её ткацкий станок и запасы ниток, всевозможные инструменты и приспособления — всё добро супругов Устименко превратилось в чёрные уголья и серый пепел.

Ещё за квартал Татьяна и Борис почувствовали неладное. Сильный запах гари ударил в лицо вместе с порывом горячего ветра. Не сговариваясь, они прибавили шагу. Через минуту ахнули от ужаса! На месте мастерской они увидели пепелище: почерневшая кирпичная коробка, кривая обгоревшая жёсть крыши, обго-

ревшие до черных углей балки, а в проёме двери — мокрое бесформенное месиво, от которого расплзались в разные стороны огромные грязные разводы пены по асфальту... Какие-то люди стояли неподалёку, обсуждая случившееся. Борис рванулся вперёд, Татьяна крепко сжала его руку, он сделал шаг и остановился. К нему ринулся хозяин парикмахерской.

— Гляди, маляр проклятый! С вашей крыши всё началось! Эх, жаль, пожарные уехали! Встретитесь ещё с ними! — краснолицый, в грязной разорванной на плече рубашке, хозяин парикмахерской готов был наброситься на художников. — Вы посмотрите, что с моим салоном! Во что он превратился?! Я разорён! А у меня ребёнок-инвалид. Ножки парализованы. Кто его будет кормить? Я вас спрашиваю!

Пожилая женщина в шёлковом белом платье и белой же газовой косынке на голове встала между ним и Борисом.

— Не надо сердчать, беда общая, — попросила она. И обратилась к молчавшим художникам: — Так и сердце подорвать можно... — снова повернулась к краснолицему: — Успокойся ты ради Христа! Чего звягать на всю улицу? Ты про их детей подумал?

— Не лезь, бабка, не в своё дело! Нашла, кого защищать. Такие детей не заводят. Электричество и то вовремя не оплачивали. Напортачили с проводкой — пускай отвечают!

Краснолицый отвернулся и жалобно выругался, замолчал, точно вышла из него вся сила. Стало тихо и ещё страшнее. Любопытные прохожие, чуть задерживаясь рядом с домом, молча смотрели на пепелище, на то, что ещё утром было мастерской. Пожилая женщина постояла-постояла и пошла своей дорогой. Незаметно исчез и парикмахер.

Татьяна глотала горячий воздух вместе со слезами. Борис стоял впереди неё. Она не видела лица, но чувствовала, что ему сейчас никто на свете не нужен.

— Всё сгорело, — зло сказал он наконец, быть может, вспомнив про Татьяну. — Мои картины... «Люди-звери»... Мои натюрморты с травами. Мои краски, кисти. Ничего нет. И больше никогда не будет.

Татьяна подошла к дверному провалу — показало, что из-за порога торчит металлическая

рамка от её гобелена. Она решила достать и потянулась, но Борис дёрнул за плечо, удержал.

– Ничего нельзя трогать. И уносить с собой ничего нельзя.

– Ты о чём? Здесь не могила...

– Здесь зло, – перебил Борис, – худое лихо...

Татьяна, уже не сдерживаясь, заревела в голос.

– Как же теперь? Мы уйдём... и оставим... всё так?.. Нет даже двери, чтобы закрыть.

– Не тупи. Посмотри: только угли. Идём...

Они брели по улице, потом ехали в жёстком разбитом троллейбусе по раскалённому, хоть уже и сумрачному городу. Сверкали огни реклам, люди на тротуарах и в летних кафе шумели и смеялись, капризничали, не желая идти спать, дети... Было жарко, тесно. Одиноко и страшно.

Ночью Татьяне, наглотавшейся валерианы, приснилась безлюдная пустыня под слепящим солнцем. Горячий зыбучий песок от края до края, от которого нет спасения. Нет дороги, нет воды, нет жизни. Проснулась поздно с ощущением полной беспомощности.

Борис в то утро ни на что не реагировал. Он почти до двенадцати пролежал на диване, молча уставившись птичьим клювом в потолок. Татьяна по телефону, который ей дал парикмахер, звонила в милицию. Договаривалась о встрече с участковым по поводу чепэ с возгоранием, потом в МЧС для оформления протокола расследования причин. Звонила в Союз художников, где ей объяснили, как действовать и какие документы необходимо предоставить руководству.

К обеду Борис встал, но от крошки отказался, принялся перелистывать старый альбом с марками – детское увлечение. Татьяна тоже собирала когда-то коллекцию марок. Те же спорт и живопись. Но детство прошло. Давно! И вот, глядя на мужа, она с каким-то неожиданным чувством превосходства вспомнила, как без тени сожаления из-за глупого спора отдала альбом соседу по парте. Все марки разом. Она даже открыла рот, чтобы рассказать Борису про мальчишку, ставшего обладателем её коллекции, в которого была тогда влюблена чуть не половина девчонок их класса... Татьяна застыла в проёме двери и не вымолвила ни слова...

Забыла, о чём хотела сказать мужу. Глядела на неподвижного Бориса, в голове всё сильнее стучало: «Что, разве только у него горе?» Татьяне, столько уже наработавшей с утра, захотелось даже съязвить про голову страуса и песок, но слова застыли на языке. Альбом с марками валялся на полу. «Борис сохранил своё детское увлечение. И вполне может гордиться этой коллекцией. Нет, памятью. Теперь, когда не осталось собственных картин...» – она снова подумала про марки, слотнула ненужные ядовитые слова и ушла на кухню. Потом быстро собралась и уехала оформлять документы.

Тот день тянулся бесконечно. И всё время преследовал запах гари.

Вечером она, усталая, разбитая, сидела у кухонного окна и плакала. Беззвучно. Шмыгала носом, пока свистел чайник. И очень боялась наступления темноты. А может, выпить успокаивающего и поскорее отключиться?

Но и в последующие дни легче не стало. Вдвоём им пришлось разгрести пожарище, убирать завалы, вывозить мусор. Муж ушёл в себя. Ничего не хотел обсуждать – Татьяна сама искала деньги в долг, сама договаривалась с рабочими, с транспортом. Борис упорно молчал, хотя необходимо как можно скорее решать проблему с новой мастерской. Когда лучше обратиться в Союз художников, как добиваться нового помещения? Может, попытаться устроить хоть какую-то мастерскую у отца на лоджии?

– У всех сейчас трудное время, – осторожно заговаривала с мужем Татьяна. – Нужно учитывать...

Борис, утыкаясь в телевизор, не желал ничего слушать:

– Не буду я ничего и никогда учитывать. Плевать мне на ваше время. Я сам своё собственное время. Потому что я – художник! И прошу всех оставить меня в покое!

– Тогда я одна пойду к Уварову. Завтра.

– Ты? – Борис взглянул на неё оценивающе. – Ты не пойдёшь завтра к Уварову. Потому что ты едешь со мной на ипподром.

– Куда? Шутишь?

– Всё! Помолчи. Я видел рекламу по телевизору. Завтра скачки на приз Дерби. Очень серьёзные соревнования, в них лошадь может

участвовать только один раз, в возрасте трёх лет. Это считается расцветом. Пик формы.

— При чём здесь «пик формы»? Боря, нам надо серьёзно подумать о мастерской. Ты должен мне помочь...

— А я хочу видеть чистокровных лошадей верховых пород!

* * *

На следующий день она отправилась в Союз. Тяжёлая дверь старого здания поддавалась с трудом. Ей повезло, и она застала председателя Уварова у себя в кабинете. Правда, в это время там шло заседание правления. Но сердобольная секретарша, сухонькая старушка с белой головой и чёрными живыми глазами, пропустила погорелицу:

— Им всем, деточка, как раз и расскажешь!

В кабинете председателя за длинным жёлтым столом сидели мэтры всероссийского масштаба, человек семь, и все они смотрели на Татьяну. Больше других её смущал председатель. Он взирал на посетительницу пустыми и одновременно внимательными глазами, как человек, привыкший делать сразу несколько дел. Наверное, после этой встречи он поставит себе галочку в графе «индивидуальная работа» или «приём по личным вопросам».

Рассказ Татьяны слушали и с любопытством, и с сочувствием. Особенно активно кивала головой высокая и грузная Инель Вадимовна, известная в среде художников диссидентскими замашками. Она вскоре потребовала от председателя решительно добиваться помощи властей, требовать её! Причём не только по проблеме художников Устименко, но и по всем наболевшим вопросам. Постепенно разговор перешёл на крутую политику, коррупцию в коридорах власти и безденежье. Татьяна попыталась вставить ещё хоть слово, вернуть разговор к проблеме мастерской. У неё не получилось. Почувствовав себя явно лишней, она буркнула благодарность за внимание и вышла из кабинета председателя. Хорошо хоть сочувствуют, советуют что-то, а не только разводят руками. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. В этом и есть правда жизни.

При существовавшем дефиците мастерских кто же откажется в пользу погорельцев? Идти в администрацию города или края? Это имело бы смысл, будь у кого-то из супругов звания и государственных награды. Татьяна с Борисом не успели получить их. Просить помощь в приобретении нового ткацкого станка тоже не имело смысла. Куда его ставить? Круг замкнулся.

* * *

Но с потерей мастерской жизнь не могла остановиться. Кажется, опять дрогнули колочки у зеленого кактуса в окне уже несуществующего художественного комбината. Кажется, промелькнул за стеклом белый голубок. «Я напишу натюрморт, — думала Татьяна, — кактус с едва раскрытым бутонем и голубь...»

Татьяна думала о ребёнке. Она всем сердцем желала его, несмотря на случившееся, на неопределённость обозримого будущего. Всё как-нибудь определилось бы, Борис сразу пришёл бы в себя, восстановился и снова принялся за работу.

С обидой она смотрела на мужа, уклоняющегося от разговоров. В его теперешней замкнутости и отстранённости ей виделось почти предательство, и даже не себя, а их будущего. Татьяна всегда считала Бориса и любимым мужем, и самым большим другом. Дружба никогда не докучает, никогда не бывает нехвата. В благополучии она придаёт отношениям новый блеск, а в трудные времена, если друг рядом, всё не так страшно, как могло бы... Но вот Борис рядом и одновременно так далеко!

Наступило оцепенение. Самой большой задачей на ближайшее время стало элементарное «выжить». Точно в замедленной съёмке, день сменяла ночь. И, кроме этой смены, ничего не происходило вокруг. Опустошённый и молчаливый Борис стал похож на больную птицу с опущенными крыльями. Татьяна ухаживала за ним, угадывая больше того, что происходило вслух. Она не пыталась его принуждать к действиям, потому что реальной надежды что-то поправить не осталось. Так зачем обманывать себя? На подсознательном уровне, негласно они оба поняли, что ничего

не надо говорить, обсуждать, менять радикально. Всё пустое. Надо просто выжить. По выходным ходили на центральную городскую улицу рисовать портреты на заказ. Заработанного хватало на хлеб и молоко.

Шли дни, месяцы. И вот раздался звонок, Татьяна узнала голос свёкра Виктора Семёновича, но так резко он с нею ещё не разговаривал.

— Живы? Голодаете? А мозги у вас есть? Осталось хоть немного? Насколько мне известно, искусства полезны до тех пор, пока ум развивают, а не отвлекают его. Вы же по миру скоро пойдёте. Где твой муж? О чём он думает?!

Передав трубку Борису, Татьяна тем не менее слышала, как кричит свёкор, но, конечно, не все слова могла разобрать. И, не показывая вида, радовалась звонку Виктора Семёновича. Сейчас любая встряска полезна для Бориса. Тем более что, оценив положение семьи, Виктор Семёнович принял мудрое решение — заниматься натуральным хозяйством.

В гуманитарном институте, в котором он, историк по образованию, преподавал политологию, часы безжалостно сокращались. Зарплата задерживалась по несколько месяцев. Потому самыми популярными разговорами наряду с обсуждением новостей по переустройству страны стал обмен опытом выживания. Преподаватели, профессора и доктора наук, не говоря уж про доцентов и аспирантов, — все как один обзаводились огородами, вскапывали дачные участки, даже если до этого дачки стояли заброшенными. На кафедре живо обсуждалось ускоренное выращивание картофеля по американской системе. И, конечно, не менее оживлённо говорили о происходящих переменах в стране. Виктор Семёнович редко принимал участие в горячих спорах, разделивших коллектив на либералов и консерваторов. Но, пожалуй, никто другой в институте не владел информацией о происходящих переменах больше, чем он. Виктор Семёнович хорошо осознавал, что под благим лозунгом модернизации, провозглашённым в восьмидесятых годах, произошло разрушение страны. Только на первый взгляд, да и то дилетанта, модернизация всегда позитивна. На деле очень часто происходит обратное. Модернизация на деле являет собой самовоспроизводящийся про-

цесс разложения, как это было с Китаем в середине XIX-XX века.

— Модернизация как символ процветающего капитализма? Париж и Лондон? Рим и Барселона? А почему не вонь от канализации в Гаити? Или трущобы Каира! Или плантации на Яве. Это тоже капитализм с рабами и бездомными. В истории есть только один пример антикапиталистической модернизации — сталинское переустройство страны, целью которой являлось создание в России передовой промышленности, залога выживания и победы в предстоящей войне, — доказывал коллегам Виктор Семёнович. — Но поймите, голуби мои, теперь-то у сильных мира задача другая! Закон об индивидуальной трудовой деятельности для чего, по-вашему, нужен? Да чтоб легализовать теневую экономику и разрушить потребительский рынок. Что ж удивляться, что теперь каждый выживает как может? На всех уровнях власти одна забота — раздел собственности...

* * *

Погожим весенним днём молодые приехали на дачу к отцу Бориса. Полтора часа — и вокруг почти девственная природа. Вершины гор вдали. Поросшие лесом взгорки. Негромкая речка, бегущая между камней, с заводьями и мелькающими в глубине тёмными спинками ленивых рыб. А вокруг небольшой посёлок на десяток улиц, разбежавшихся по холмам и низинам.

Молодым супругам недолго пришлось любоваться природой. Дел невпроворот! Виктору Семёновичу по случаю и почти за бесценок удалось приобрести соседний участок — хозяева давно забросили его и были даже рады, что проблема разрешилась благополучно — недвижимость пристроена и штраф за неухоженность участка им теперь не грозит. А вот семье Устименко хлопот добавилось. Мужчины, по плану Виктора Семёновича, должны были срочно приниматься за дело — работа в основном тяжёлая — стройка. Виктор Семёнович задумал разводить коз. А для этого нужны были тёплый хлев, загон под крышей, где бы живот-

ные могли прятаться во время дождя и снега. Нужно запастись кормами. Накосить и насыпать сена, пока на дворе пригожие летние денёчки. Мудрый хозяин уже с началом весны не забывал об осени. В предгорье, несмотря на близость южного моря, снега могли быть ранними. Поэтому Виктор Семёнович торопил. Ему не нравилось, когда сын подолгу и непонятно зачем разглядывал кусты смородины, их жёсткие блестящие листья. Потом поднимал голову и принимался, точно пытался распробовать встречный ветерок, и ни с того ни с сего заявлял, будто пахнет стоматологическим кабинетом. Мог бесконечно долго вертеть в руках палку, ветку с изодранной корой. Виктору Семёновичу казалось, что сын бездарно тянет время или специально играет на его нервах. Демонстративно сомневается в разумности отцовских планов. А дело-то не ждёт! Не будет в ближайшие годы улучшаться и налаживаться жизнь в стране, империя рушится точно и неотвратно!

— И кем это осуществляется? Папа, неужели ты думаешь, что СССР всерьёз считают военной угрозой миру?

— А когда я об этом сказал? Ты невнимателен ко мне, сын. Как раз я уверен, что никто не воспринимает нас как реальных военных противников. Гипотетически — да. Они твердят об этом днём и ночью. Я имею в виду Запад. Но главная их мишень — наша экономика. Ты посмотри, как планомерно нас вытесняют с рынков, рушат производства, останавливают заводы. Поверь мне, Горбачёва выдвинули самые опасные тяжеловесы — транснациональные компании. Осознаёт ли до конца происходящее он сам? Горби станет символом некомпетентности и прямого предательства, поверь мне на слово. Не скоро ещё Россия восстановится от этого удара. Поэтому делай что я говорю.

Борис не мог возразить, всегда готовое точное слово, которым он не раз покорял оппонентов, теперь не прозвучало. Его не было вовсе, потому что не реальность, а другой мир, художественный, был явственнее, понятнее ему. Оказавшись вне этого мира, словно рыба на песке, Борис вынужден подчиняться воле отца, которого он мог бы, наверное, попросить купить холст и какие-то краски. Но этого

мало. Нужны разные холсты, картон, мольберты, нужны дорогие кисти и прочее, и прочее. Целое состояние, чтобы вернуть возможность полноценно работать. А для чего? Кто купит картины Бориса Устименко? Может, и хорошо, что они сгорели... Борис не перечил отцу в его выводах о происходящей в стране перестройке, но показывал всем своим видом, как не по душе ему эта возня на участке, эта идея натурального хозяйства.

Продолжатель рода Устименко устало ухмылялся и под «романтические разговоры» родителя, который теперь вёл их, стругая доску или приколачивая гвоздями шифер. Отчего так волновался отец? Видимых причин для этого не было. Может быть, любясь невесткой, Виктор Семёнович вспоминал молодые годы? И себя с женой, которой недосказал тогда главных слов? А вот теперь по прошествии лет хотелось отцу уберечь сына от подобных ошибок.

— Слышь, Борька! Дружок у меня один был, Захар-самовар, как мы его в детстве звали. А потом уж за ум — Знахарем, — Виктор Семёнович застенчиво улыбнулся, видно, не всё мог рассказать сыну. — Он и про женщин хорошо знал. И про хитрости, и про слабости ихние. Так вот слушай. Самое простое средство, чтоб продолжала тебя любить, — старайся внушить ей, будто в восторге от её красоты! А? Вот в чём штука хитрая! Слышишь меня? — глаза Виктора Семёновича теперь лукаво шурились. — Будет твоя Татьяна в платье — хвали платье. Будет в зимнем костюме — хвали костюм. Будет в ночной рубашке — рубашку хвали, только проси, чтоб не простудилась! Восхищайся и руками, и ногами, и голосом даже!

— Па, с каких пор ты дамским угодником стал?

— Эх, дуралей ты, Бориска, — отец вдруг сбился на тёплый, совсем доверительный тон, когда-то очень давно он так разговаривал с маленьким сыном, — верь моему опыту. К тому же я объяснял не раз: мы переживаем нынче страшный слом системы. Ты видишь, что происходит вокруг? — снова посерьёзnel Виктор Семёнович, ткнул в сына горячим взглядом. — Единственное твоё спасение — семья!

— Опять? Папа, хватит меня просвещать!

— Ты хоть понимаешь: вдруг разрешили

предприятиям и частным лицам вывозить за рубеж все дефицитные товары — продовольствие, сырьё, электронику, энергию, продукцию химической промышленности — всё, всё и всё! Ты можешь представить, что только через одну из тысяч таможен спекулянты за год вывезли дефицитных товаров больше двух миллионов тонн! Золотой запас уводят! Уже карточки ввели продовольственные! Дальше — больше! Неизвестно, чем и когда закончится! Поэтому, пойми ты меня, спасение в семье! Только так выживем... Да куда ж ты эту доску лепишь, чудило?! Неужели не видишь — кривая она. Руки твои крюки!

Виктор Семёнович опять не мог сдержаться, а Борис — вытерпеть начальственный тон. Происходящее на даче уже всерьёз мучило его. Разведение коз, задуманное отцом, чтоб обеспечить семью продуктами, а в будущем, возможно, и заработком на молоке, мясе, шкурах, казалось полным абсурдом. Патриархальность родителя просто смешила. С чего так за его семью волнуется? Сидел на даче столько времени, носа в городскую квартиру не казал, а теперь жилы всем рвёт. Он смотрел в сторону жены, которая, не в пример Борису, изо всех сил старалась помочь в хозяйстве. И сам Виктор Семёнович вполне был доволен невесткой, хотя своими разговорами частенько вводил Татьяну в краску, потому что полагал интерес сына к собственной жене наиважнейшим, не раз повторял, что Борису точно не выжить одному.

* * *

Больше всего времени у Татьяны занимал Богород: сорняки бушевали, ежедневно приходилось пропалывать или поливать помидоры, огурцы, перцы. Татьяна не жаловалась. Надеялась, что работа на даче поможет восстановиться, Борис отвлечётся от своей потери. Она невольно следила за ним, тщетно разгадывала его тайные мысли, ухаживая за козами, забавными и глупыми, или собирая ежевику, опутавшую живой изгородью участок, или когда перетирала с сахаром сочные плотные ягоды, полные тёмного с кислинкой

сока... Эти раздумья помешали понять смысл произнесённого вдруг свёкром с особым нажимом на последнее слово: «Ежевика очень полезна. Особенно детям...»

Осознав, Татьяна почувствовала, как у неё вспыхнули уши, склонилась ниже над кастрюлькой и рассердилась, прежде всего на себя. «Не девочка уже! Чего краснеть-то?» Смолчала, закусив губу, потому что ни отвечать, ни смотреть после этих слов на отца Бориса не могла.

А вот в защиту своего мужа высказалась — Виктору Семёновичу пришлось выслушать отповедь невестки после очередного резкого разговора с сыном:

— Ну как можно винить Борю?! — всерьёз возмутилась Татьяна. — Он лишён мастерской, любимой работы. Он в полной изоляции от всего, чем дорожил. Вот я начала б сейчас упрекать мужа в невнимании к себе, в нежелании заботиться о нашем будущем. По вашей логике, была бы права. Но вы даже не представляете, что на самом деле погубило в мастерской. Его картины получили признание на престижных выставках! А незаконченные работы Бориса у меня до сих пор перед глазами стоят. Я уверена, о них бы обязательно написали искусствоведы, они бы стали событием! С каким жаром Боря рассказывал мне о новых задумках. Он жил своим творчеством, понимаете? Бориса нельзя винить!

Но разве объяснишь это Виктору Семёновичу, требовавшему, чтобы сын добросовестно вникнул в хозяйство...

* * *

— Тебе семью кормить! Должен, коль мужиком родился! — гремело на участке.

— Ничего я никому не должен! — взрывался в ответ Борис. — Давайте наконец говорить то, что думаем! Сегодня никто не уверен в завтрашнем дне. И я не собираюсь обманывать Татьяну. Я не знаю, что будет завтра. Я не знаю, чем сейчас должен заниматься. И почему мне досталось всё это? — В глазах Бориса вспыхивали чёрные искорки. — Так оставьте же меня со своими идеями и нравочениями!

— Сын, согласись наконец, все свои способ-

ности человек может понять, только применив их на деле! Сейчас нам нужно держаться друг друга и прикладывать старания, чтобы сохранить семью и обеспечить нормальную жизнь в будущем. Иначе мы сами для себя зло.

— Ничего. Каждое зло хоть как-то компенсируется. Меньше успехов — меньше завистников. Нет денег — меньше забот, как их потратить! Кому не на что надеяться — тому не в чем отчаиваться. Разве не так?

— Ты меня пугаешь, Борис. Умный человек всё равно не должен терять направление. Ты сам себя не боишься?

— Я ничего не боюсь! Мне уже ничего не страшно! Я всё потерял!

— Не смей так говорить! Молодой, здоровый мужик, глава семьи! Ньюни распустил...

Виктор Семёнович всё более нетерпимо отнесился к сыну. И ничего не мог поделать с собой. В глубине души он понимал, что злится на собственный испуг перед малодушием сына. Никогда раньше он не чувствовал так остро своё бессилие. Решив обосноваться на даче, Виктор Семёнович надеялся на поддержку прежде всего Бориса. Что могут женщины в этом безумном мире, так быстро поменявшем полюса? Опоры расшатаны и умело порушены. Больше никогда не будет прежней страны Советов. Жучки-вывозники проели некогда могучую экономику до трухи, осталось совсем немного. И, коль представилась возможность зацепиться за клочок собственной земли, значит, есть надежда выстоять в лихолетье!

Всегда доверявший науке, Виктор Семёнович активно экспериментировал. Именно он первым из институтских дачников посадил картошку на участке по методу американских баптистов. Плюсы заключались в том, что посадочного материала нужно в три раза меньше, а значит, и усилий при посадке картошки тоже. Зато урожай получился больше, чем у соседей. Успех окрылил. Виктор Семёнович принялся экспериментировать и с другими культурами. Но самой большой его надеждой всё-таки оставалось разведение коз — молоко, мясо, шерсть. Особенно убедил Виктора Семёновича рассказ старика черкеса, который жил неподалеку. Оказывается, в старину у адыгов было принято целый год кормить молодых коз

козьим мясом и молоком для того, чтобы потомство получилось крепким. Вот тебе и рецепт оздоровления нации! Виктор Семёнович жаждал начать с собственного внука, а потом осчастливить и всю округу. Он почти не сомневался в успехе. В глубине души Виктор Семёнович верил, что рано или поздно сын станет настоящим помощником и единомышленником. Вместе они горы сдвинут! А когда родится внук... В том, что это случится, Виктор Семёнович тоже не сомневался. Ради благополучия будущего наследника Борис должен отрешиться от собственных проблем. Хотя бы на время! К тому же сын-художник всегда любил рисовать животных. А уж таких благородных, как козы, не полюбить просто невозможно. Да хоть картину с них пиши! У одной парочки шерсть на шеях белая, плавно переходит на плечах из белого в серый, а к хвосту совсем чёрные. У других — шея рыжая и переходит к туловищу в коричневый. А есть и чёрно-белые, и гнедые. Даже сорочья — козочка с белой головой. А уж про козлят и говорить нечего — сплошное обаяние. Как же допустить, чтоб болели они? Чтоб от бескормицы или холодов гибли? Начнут ягниться, а хлева тёплого нету. Полежит козочка на мокром полу, на влажной подстилке — сразу воспаление вымени у матки. От грубой подстилки и трещины на сосках могут быть. Нет, тут уж себя не жалей, а коль скотину завёл — нечего её мучить.

Внутреннее неприятие поведения сына, когда Борис так долго не хочет отзываться на слова и просьбы отца, уже приводило Виктора Семёновича в ярость. И он срывался на крик. Не раз мысленно попрекнул покойницу-жену — воспитала! И всё чаще с опаской поглядывал на невестку. Сдюжит ли?

Татьяна, чувствуя взгляды свёкра, старалась не показывать, как трудно ей приходится между двух огней. Но всё чаще вздыхала и уже знала точно, что нужно возвращаться в город. Только бы поскорей закончилось лето.

«Творчески одарённые люди имеют право быть слабыми», — думала она, разглядывая яркий осенний пейзаж в окошке автобуса, бойко катившего в сторону высотных домов. А перед глазами сердитый Виктор Семёнович, он так и

не спустился с крыши сарая, чтобы попрощаться с сыном. Хотя стройка почти закончена. Козы смогут зимовать. «Легче всего обвинять Бориса. Сейчас он не может писать, но зато много читает. В пушкинской «Пиковой даме» его затронули портреты работы французской Луизы Виже-Лебрен в спальне графини! Удивительно. И надо же было додуматься, что авторство портретов, скорее всего, неточность или уловка великого писателя. Даже искусствоведы до этого не додумались, а Борис то прав! Чьи портреты могли висеть в спальне старой графини? Конечно, её собственный и мужа графини. А как же могла сделать эти работы та самая Луиза Елизавета Виже-Лебрен, которая за шесть лет пребывания в России написала чуть ли не всю русскую знать? Ведь в «Пиковой даме» картины в спальне графини созданы точно лет за двадцать до прибытия художницы в Россию. Значит, это работы шведского живописца Александра Рослина, который посетил Петербург в 1776–77 годах и исполнил портреты особ императорской фамилии и русских аристократов. Вот что потрясающе! И только Борис смог раскопать эту историю. С его знаниями, интересом к живописи. С его умом! ...Хотя опять случился спор с Виктором Семёновичем. Тот настаивал, что сам Пушкин указал, мол, портреты писались в Париже. И Луиза Лебрен за 20 лет до её прибытия в Санкт-Петербург могла писать юную графиню... Но свёкор в очередной раз не понял, даже не в этом дело, а в интересе Бориса. Вполне может быть, что тот решил всерьёз заняться портретами. Иначе с чего бы ему так активно изучать эту тему? ...Ну да. Во все времена художники брали заказы». Татьяна вздохнула. Она поймала себя на мысли, что, оправдывая мужа, убеждает саму себя. «...И с чего я про портреты? Потому что заказы? Вот опять все мысли о деньгах», — Татьяна грустно смотрела в окно, потом повернула голову к Борису. Взяла руку мужа и прижала к себе. Он улыбнулся в ответ. Они снова вдвоём. Получится, справятся...

В автобусе пахло бензином и свежими помидорами. Две аккуратные бабули сидели напротив Татьяны, чинно беседовали, в ногах у них стояли лукошки со свежими мясисто-

алыми овощами. Та, что была поближе, концом цветастого платка аккуратно промокала тонкие губы. «Колоритные бабульки, — мелькнула мысль Татьяны, — таких редко теперь встретишь. Да ещё с помидорами. Их бы к осенней выставке написать», — и вздрогнула, испугавшись собственной мысли.

В городе уже в подъезде дома начались неожиданности. В почтовом ящике ожидало приглашение от Кости и Вероники, тех самых, что уехали в лихое время из Чечни, а теперь звали отпраздновать новоселье — наконец их семья обустроилась в новой большой квартире. И вот не забыли друзей! Не успели обсудить новость, как позвонил менеджер дизайнерского салона и предложил Татьяне работу. Раскручивая новые проекты, он интересовался оригинальными решениями — украшениями интерьеров гобеленами. Татьяна с радостью ухватилась за предложение. В этот же вечер достала забытые эскизы, принялась внимательно рассматривать предлагаемые для дизайна интерьеры, сразу определяя цветовые акценты. А в голове то и дело мелькали мысли о Веронике и Косте. Вот смогли же люди подняться, наладить свою жизнь...

В квартире Бегуновых Татьяна не могла отделаться от ощущения собственной неполноценности. Осматривая хоромы, она чувствовала себя так и не сумевшим повзрослеть ребёнком, которому демонстрируют настоящую взрослую жизнь. Посмотреть было на что. Квартиры художников обычно делятся на те, в которых жить невозможно, и на сооружения неповторимые, порой даже уникальные. У Бегуновых был второй вариант. Каждый сантиметр их трехкомнатного жилища в высотном кирпичном доме был тщательно продуман и обустроен. Модная шелкография на стенах, тяжёлые турецкие портьеры с кистями, дубовый паркет, медвежья шкура на полу в спальне — смотрелись и дорого, и стильно, сочетались с авторскими неожиданными придумками: с узором на стенах и на потолке, вставками зеркал на окнах, поделками из дерева и глины.

— Конечно, вкалывали! — смеялась розовощёкая кареглазая Вероника, уже в столовой

отвечая на вопросы гостей и одновременно раскладывая по тарелкам жаркое. Татьяна отметила, что руки у неё теперь не такие «узорные», как в последнюю встречу на рынке. — Костя ночами здесь пропадал. Отделка полностью наша! Даже паркет сами клали — экономия! Я вот зеркала оформила ракушками и цветами. А про сроки... Да все годы после Чечни на эту квартиру работали! Пахали каждый день от зари до зари.

— Неужели на торговле можно так хорошо зарабатывать? — не сдержалась Татьяна.

— Поначалу каждый вложенный челноками доллар приносил шесть долларов прибыли. Благодаря умной политике, да ещё челночило на равных! Я ведь нисколько не уступала. Правильно, Костя? И ещё самое главное — вложить средства по уму. Когда доллар подскочил в несколько раз, вот здесь-то наша умная политика и сыграла! Костя, подтверди!

Татьяна уловила некую настороженность Вероники в её взгляде на мужа. Весь вечер широкий, словно отлитый одним куском, гладковыбритый от подбородка до макушки Костя лишь тактично кивал и держался явно вторым планом. Кажется, он думал о чём-то своём. И только когда за столом беседа коснулась художников, проблемы с мастерскими, Костя включился. Оказывается, он был хорошо осведомлён по части передела имущества Союза художников.

— Да там же целая мафия, Борь! Ты не понял? А знаешь, с чего началось? С разгильдяйства, поверь мне. С богемной жизни. С элементарной безответственности! Как и повсюду в стране. Каждый за себя! Что хочу — то и ворочу, коль по рукам некому дать. У вас сколько лет про ревизионную комиссию не вспоминали? Дети... избалованные, богемные, никудышные. На что надеялись?

Борис молчал.

— Ты вообще в курсе проблемы вашей? Что к чему, тебе интересно? Все-таки ж член Союза, на художественном комбинате работал! — Константин увлёкся и продолжал, не услышав даже утвердительного ответа Бориса. — А знаешь, что находится теперь в помещении комбината? — он по очереди оглядел всех за столом. — Самый большой в городе интим-салон!

Какие у них витрины — сплошная клубничка! А, насколько мне известно, предлагались варианты аренды. И можно было сдать помещение хотя бы добропорядочным бизнесменам. Сделать, например, книжный магазин! Так нет же. Как в насмешку над деятелями культуры. Натё вам — кушайте! И вот какая петрушка. Поначалу оформлялась как раз аренда комбинатовских мастерских. Для отвода глаз! А потом здание быстренько продали. Понятно, что незаконно. Но чтоб узелок потуже затянуть — продали ещё раз! И вот документы у них на руках уже не липовые. Настоящие. И фиг вам, художникам, что-то вернут, — Константин замолчал, ожидая реакцию Бориса. Тот угрюмо молчал. — Эх! Честно тебе скажу, Борь, хотелось мне создать свой мир. Забыть хоть на время всё, что гнетёт и по ночам мерещится. А как разглядел, что и среди братьев-художников беспредел происходит... Не поверишь, Борис! Захотелось мне оружие в руках понянить. Но разве ж тут дадут? — он покосился на Веронику. — Вот и стал я поэтому фотожурналистом. ФотоГрафом! Во какой у меня теперь титул. Спецназовцы окрестили. Бригада у нас стоит, в двадцати километрах от города. Слышал? На рынке с капитаном разговорился — ботинки у меня для сына покупал. А капитан плачется, мол, актовый зал нужно оформить. Хоть чего-нибудь художественное прилепить. Хоть фотографии. Ну, я пообещал подсобить. С тех пор и началась наша дружба. А потом я с ними в район боевых действий попал. Тянуло меня обратно в Чечню с оружием вернуться. Ох как тянуло. Вот и привёл Господь.

— А как же твой бизнес? — спросил Борис ровным спокойным голосом.

— Да мой заместитель и без меня теперь управляет! — Константин потянулся к жене. Она хлопнула его по плечу. В глазах Вероники не было смешинки. Теперь Татьяна понимала отчего.

— Сынок подрос мамке в помощь, — продолжал Константин. — Есть надёжный помощник! Вы себе ещё не состругали? Надо бы...

Вероника снова принялась активно подкладывать в тарелки. За столом задвигались, заговорили. Татьяна смотрела на хозяина дома. Он сидел теперь серьёзный и отрешённый. Видно, мысли Константина были далеко от дома.

Серые глаза хозяина новой квартиры ожились, когда из-за стола перешли в соседнюю комнату, расположились на диване и креслах, и он достал свои последние фотографии. На них люди в камуфляже. Вынимая очередной снимок, Константин медлил, будто внутренне замирал, узнавая лицо солдата, вспоминая историю, связанную с ним.

— Вот ребята на операцию уходят. Никого из них в живых уже не осталось... А это Сурен автоматом мне машет. Отличный механик-водитель. Для его бэтэра преград нет. Водит виртуозно! Потому и автомат под боком ему мешал. Так было, пока в засаду не попали. А он без оружия. Каково? К счастью, отбились — повезло. Вот и машет, мол, теперь только с автоматом.

Татьяна никогда не общалась с военными. Слушая Константина, она боялась выдать своё волнение, но каждое его слово о погибшем солдате оставалось в душе.

Снимок, где курносый широколобый парнишка сидит в обнимку с чёрным лохматым псом, привлёк её внимание. Константин заметил это. Взял фотографию в руки.

— Расскажи, Костя, — вдруг попросила Татьяна и почему-то испуганно взглянула на Веронику. Та подошла и села рядом с мужем. Костя кивнул, мол, надо рассказать. Но сначала попросил стопку. Звонко чокнулся с Борисом и только после этого заговорил:

— Пускай им там служитесь! Лёхе уже немного осталось, вот...

Удары электронной музыки грянули из соседней комнаты, и Костю словно подкинуло:

— Сына! Сбавь свои цедибилы! Тьфу! Децибелы сбавь, слышишь?!

Музыка смолкла. Константин хмурился, устало вздохнул:

— Про Лёху ж я начал... Белобрысый такой русский парень. Он мне Сашика напоминает. Был такой мальчишка в нашем дворе. Тоже конопатый, с носом картошкой. Глаза как небушко над полем. Портрет хочу Лёхин сделать. Вот вы увидите потом!

— А собака откуда? — не удержалась Татьяна.

— Это не собака, а целый клад! Подобрал её Лёха в горящем чеченском селе. Держал сначала за пазухой. Потом они со щенком стали не-

разлучны. Кормил пса тушённой и карамельками, а тот ради них готов на всё! Ребята шутят: «Хаттаб за карамельку Родину продаст». Щенка Хаттаб назвали. Чёрный, лохматый — копия чеченского бандита. У солдат, кстати, принято давать собакам имена бандитов. Наверное, потому, что приятно отдавать приказы, называя имя врага, и видеть, как выслуживается пёс. А Хаттаб старался всюю. Умный пёс вырос, умеет служить. За это его все солдаты полюбили. С ним не страшно заснуть в горах, Хаттаб охраняет днём и ночью. Доверяют Хаттабу, понимаешь, Борис? А для пса самый близкий и дорогой — Лёха. Щенок стук сердца его слышал с самого маленького возраста. Он же за пазухой у Лёхи пересёк не один километр. Хаттаб провожает солдата, когда уходит Лёха вместе с другими на задание, и всегда удивительным образом угадывает, когда они должны вернуться! За несколько часов до их прихода усаживается на полянке именно с той стороны леса, с которой и выйдут к лагерю бойцы. Если б сам не увидел, не поверил бы! ...Как они там теперь? Как Лёха с Хаттабом дослужат? Стреляют ведь там, и очень метко. По ночам они мне снятся — Лёха и Хаттаб. Хочу кадр один сделать!.. Снится он мне, понимаешь? Ну как мне после всего на базар возвращаться?! — Костя непроизвольно взглянул в сторону жены, она отвела взгляд. Он обратился снова к Борису: — Боря, я в этой благоустроенной квартирке долго не просижу. Пересмотрю на ночь фотографии и, бывает, хожу до рассвета. Мне теперь спокойно не жить! Я помню, как под ногами земля горела. Вот бы такие картины написать, чтобы... — Константин замолчал.

— Теперь другие картины нужны, — твёрдо закончила за него Вероника, — гламурные. Чтобы интерьер украшали. Художникам тоже зарабатывать нужно.

* * *

По дороге домой Татьяна и Борис молчали. Слишком много впечатлений. Татьяна обдумывала услышанное. Открылся ей вдруг совсем иной мир. Наверное, так приходит прозрение. В награду или наказание? И как дальше? От чего отказываться и к чему стремиться?

— ...Вот. А мы всё про мастерскую. А тут видишь как страшно. Люди умирают.

— Ты о чём? Какие люди? Наслушалась ба-сен. Или квартира Бегуновых глаза застила? Ты не знаешь цены моим картинам... Не знала... И про меня не понимаешь. Я ведь сторел в той мастерской!

Борис шёл, не глядя на Татьяну.

— Не говори так. Это только красивые слова. Ты живой. Ты рядом. Я чувствую тебя. И в тебе зреют новые замыслы. Ты сможешь, обязательно!

— Дорогая моя, слишком долго ты остаёшься хорошей девочкой Таней. Слишком долго. Боюсь, это уже невозможно исправить и вытерпеть. Давай помолчим!

Татьяна осеклась на полуслове, разговаривать в подобном тоне, конечно, не имело смысла. Она отстала от мужа, смотрела теперь в спину Бориса. Но думала не о нём. Мысленно возвращалась в квартиру Бегуновых. До глубины души взволновали её услышанные рассказы Константина о войне. Она никогда не думала, что можно вот так просто, сидя в квартире на диване, рассказывать про смерть молодых и сильных мужчин.

Борис вдруг обернулся и тоже заговорил про Бегуновых.

— Тебе не показалось странной осведомлённость Константина во всех наших вопросах? Откуда он столько знает о проблемах Союза? Неужели хочет пустить пыль в глаза? Зачем эта рисовка? И к чему душещипательные рассказы про солдат? Мол, вы здесь цветочки рисуете, а там вас грудью прикрывают. Неприятно как-то. Тебе не показалось?

Слова мужа настолько разнились с настроением Татьяны, что от удивления она не нашлась даже, как возразить ему. Придя домой, впервые супруги Устименко громко и серьёзно рассорились. Всплыли и давние обиды, и отцовские козы, и полная безнадёга завтрашнего дня...

Лёжа одна на диване в тёмной холодной комнате, Татьяна упорно думала не о муже, а о Константине Бегунове и о его решении воевать. В пионерском детстве и комсомольской юности она много читала о Великой Отечест-

венной, о солдатах, о пионерах-героях, о битвах и разрушениях. На встречи со школьниками приходили ветераны, участники войны. Фильмы о войне часто показывали в кинотеатрах и по телевизору. И представляя, переживая ужасы лихолетья вместе с книжными или киногероями, Татьяна точно знала, что никогда больше такое не повторится. Люди поумнели и не допустят повторения подобного. А ещё она хорошо помнила, как на уроке географии, у карты СССР, директор, который вёл у них этот предмет, уверенно заявил, отвечая на вопрос о возможном отделении союзных республик:

— Дорогие ребята, конечно, теоретически республики могут выйти из состава Советского Союза, стать самостоятельными государствами. Но, поверьте, этого не случится никогда!..

Прошло пятнадцать лет, и вместе с распадом советской страны захотели канонады. Но даже вчера, слушая диктора с последними новостями, Татьяна не до конца верила им, не погружалась в происходящее. И вот страшные слова прозвучали рядом, от собеседника, которому нельзя не доверять. Он был на самой настоящей войне! Снова гибнут солдаты, рушатся дома, плачут матери над погибшими детьми... Татьяна долго не могла успокоиться и забыться, представляя страшные картины, вспоминая фотографии парней в камуфляже. В ночных мыслях её не было порядка. Пока остатки дневных забот не разбросал сон.

* * *

А затем случилось то, что впоследствии почти невозможно было исправить. Стремление действовать, спасти свою семью — а только в этом она видела своё оправдание! — стремление, укрепившееся в Татьяне и переполнявшее её, неизбежно вступало в противоречие с настроением Бориса. Где-то свистят пули, умирают молодые крепкие парни, а супруги Устименко не знают, чем занять день! Татьяна всё чаще теперь переходила на упрёки. Ведь и Виктор Семёнович твердил, что наступающие времена требуют немедленного действия и не простят промедления. Если не исправлять ситуацию каждый день хоть на йоту, пусть даже прикладывая тщетные

усилия, если сидеть сложа руки, значит, через короткое время даже надежда исчезнет.

Её стало по-настоящему злить бездействие мужа. Голос Татьяны звучал всё более сердито и требовательно. Да, она согласна помогать и поддерживать Бориса, но при условии, что он будет чем-то заниматься!

— Сколько можно плевать в потолок? Ты вспомни рассказ Константина Бегунова о погибших ребятах. А мы здесь канючим, ищем себе оправданий, просто мямлим и теряем самое ценное...

В глубине души она понимала, что именно рассказ об идущих на смерть мальчишках отнял силы терпеть и ждать. Всё так страшно и так близко. Рядом. И ребята эти почти ровесники, нет, младше, намного младше... Не до конца осознанное горькое чувство терзало Татьяну. Чувство вины и потери.

Её работа над дизайнерским проектом двигалась трудно, слишком давно не занималась подобным, к тому же задачи то и дело менялись, приходилось начинать заново. И всё же она смогла закончить. Но стоило ли напрягаться? Воспитанный молодой человек с бритым черепом и острым носом на пухлых щеках, получая материалы, кивал на каждое слово Татьяны. Невозможно было понять, о чём он на самом деле думает. И, хотя она услышала самые веские заверения о скором переводе денег, проект так и остался неоплаченным.

Борис тоже попытался работать. Но стало только хуже. Его интерес к старинному портрету не прошёл бесследно. Непонятно откуда Борис вдруг натащил на балкон деревянные заготовки в форме яиц, только раза в два крупнее. Он решил делать пасхальные яйца и расписывать их портретами в стиле Рокотова, но с элементами непотопляемого авангарда. Чтобы на все вкусы. Яйца нужно было реализовывать на местном Арбате.

— Это будет стилизация народного мышления, такая форма народного искусства... Согласна?

— Только не перемудри.

Поплатившись из-за собственной наивности, ведь она взялась делать проект без заключения договора, так умело её убедили в собственной надёжности заказчицы, Татьяна теперь давала советы мужу. Но пережитый

стресс, почти полное отсутствие денег никак не способствовали нормальному общению супругов. Словно некое невидимое колесо набирало обороты и летело под откос.

* * *

Позвонила заплаканная Вероника. Константин опять уезжал в командировку. «А у него больной позвоночник. И куда только врачи смотрят», — от дрогнувшего голоса Вероники Татьяна стало не по себе, обожгло щеки от сдавившего душу предчувствия беды.

Вероника дышала в трубку. Нужно было что-то говорить, успокаивать её. Татьяна боялась, что расплачется сама.

— Уж не знаю, за что мне столько? Я же сама из Екатеринбурга. На юг переехала, когда жениха похоронила. Офицером он был. Знаешь как за ним девчата бегали! Я и взглянуть на него боялась. Сколько можно на войну провожать?! Я же за Костю замуж шла, потому что художник. Оружие в руки не возьмёт. А он! Может, я во всём виновата? Тань, ты слышишь меня? Почему от меня мужики на войну сбегают?

— Потому что мужики, — бесцветным голосом произнесла Татьяна. — Ты можешь Костю остановить? ...Ну, о чем тогда говорить? Теперь только молиться.

После разговора с Вероникой Татьяна чувствовала себя почти предательницей. Может, она и не сказала ничего дурного, но мысли, которые были в тот момент, касались не Константина и Вероники, а прежде всего самой Татьяны и Бориса. И мысли эти отталкивали ее от мужа. А это неправильно. Непозволительно так думать о Борисе. Татьяна мысленно укоряла себя примером родителей, точно зная, что мать всегда во всем поддерживала мужа. «У отца не бывает простое. Но ведь у него и пожара в мастерской не было. Да разве дело только в творчестве? Борис стал чужим. Он даже не старается преодолеть отчуждение».

Потом весь вечер Татьяна лежала на своём диване и смотрела немигающими глазами в раскрытую книгу с умными мыслями древних философов. Глаза не видели строчек. И чужие фразы,

продлевающие жизнь, не касались её сознания. Потому что неудобно, ах как неудобно ей было в этом мире! Обездоленность и душевная, и физическая. Что-то не так. Но отчего именно с ними? В чём ущербность их судеб? Уходит на войну Константин. Сражается Виктор Семёнович. Сражаются художники, отвоевывая имущество. Везде война. Только они с Борисом не у дел. А может, им просто не за что, не за кого сражаться...

Убеждение это не исчезло с приходом утра. Отношения с Борисом только обострились. Затея с изготовлением яиц оказалась бесполезной тратой времени из-за его нетерпеливости, неспособности доводить дело до конца.

— Да если б даже яйца продали, это копейки! Понимаешь ты? Я не собираюсь жить на сдачу! — злые глаза Бориса ещё больше обострили всё в его облике, он стал похож на мелкого хищника. Как же раньше Татьяна не замечала?

— Не станешь жить на сдачу? А вообще жить собираешься? Тогда на что?

— Я ещё не решил. А ты хочешь, чтобы я стал учителем рисования? Между прочим, некоторые лекарства опаснее болезни. Если ты не можешь этого понять, то должна хотя бы чувствовать! У женщин интуиция заложена в подкорке.

— Поздно быть бережливым, когда всё растрачено... — Татьяна с таким вызовом посмотрела на Бориса, что тот удивлённо вскинул брови. А та продолжила: — Мы живём с тобой уже пять лет. А на самом деле намного больше. Потому что встретились в другой стране. Тогда всё было по-другому. Не тебе объяснять. А недавно я была в Союзе художников. Там пахнет войной и разрухой. Братья-художники спохватились и в один голос возмущаются, что столько лет не проверялась деятельность председателя. А в результате ушло почти всё имущество. Требуют переизбрать председателя. Как будто кто-то способен вернуть мастерские. Всё в прошлом, Борис! Никакой председатель нас не спасёт. Надеяться нужно только на себя. Я, женщина, не должна надеяться на тебя, мужчину. Ты сам не чувствуешь в себе никакой уверенности... И самое страшное — не пытаешься её обрести. Сколько можно ждать? Чего ты ждёшь, Борис? Почему мы должны всё время чего-то ждать?

— Ты предлагаешь мне разводить коз? — Борис не поворачивал головы. Трудно было понять, исчезла ли злость в его глазах.

— Не тот беден, кто мало имеет, а тот, кто многого хочет. Так говорил мне твой отец. И ещё: даже после плохого урожая продолжают сеять. Чтобы выжить. Но нам с тобой нужно выбрать другие зёрна.

— Да ты с ума сошла! О чём ты? Ведунья прямо, не говоришь, а вещаешь. Вспомни наконец, я — художник. Это моё призвание! Мои картины выставлялись в Париже. Ты мне предлагаешь всё забыть? Выбросить из головы и кормить коз?

— А ты помнишь Пашу, который не стал певцом? Помнишь, мы познакомились с ним на последней квартире? У него был выбор, и он его сделал ради семьи и своего ребёнка. Я не призываю тебя бросить живопись. Хотя бы на время, пока мы выживаем, пока нет мастерской, ты можешь...

— В России давно всё держится на женщине.

Татьяна не сразу поняла смысл сказанного, вернее, не поверила услышанному и переспросила. Борис повторил слово в слово, медленно и спокойно.

Она наконец кивнула:

— Хорошо, я буду ухаживать за козами и учить детей рисованию.

Татьяна ждала реакцию Бориса. Он кривил губы и молчал. И это молчание в их с Борисом жизни определило то, чего долгое время не понимала, не принимала Татьяна. Ей нужно не разгадывать его мысли, а самой за двоих выстраивать жизнь. Своим молчанием он снял с себя ответственность и переложил на её плечи. «Никому не нужен нарисованный кактус...» — мысли Татьяны текли ровно, как ленивая речка по равнине.

* * *

Прежде чем обзванивать школы, предлагая свои услуги, Татьяна наконец занялась собственным здоровьем, её давно беспокоили тянущие боли внизу живота, визит к врачу из-за серьёзных неурядиц последнего времени и отсутствия денег (всё равно лекарства не на что по-

купать) постоянно откладывался. Понимая, что с началом работы по строгому расписанию она и вовсе не сможет вырваться в поликлинику, Татьяна решила действовать как можно скорее. Женская консультация находилась неподалёку, на первом этаже девятиэтажного дома. Своего участкового Татьяна немного знала, как-то обращалась к нему в первый год после переезда из Москвы. Тогда врач определила небольшое воспаление, которое вполне успешно пролечили.

— На что надеемся, милая? — совсем не дружеским тоном произнесла Виктория Вячеславовна, высокая, полногрудая, статная дама бальзаковского возраста. — Почему не рожала? Сама не хотела или муж не велит?

— Почему вы решили, что я не хотела? Поначалу, я имею в виду после замужества, мы действительно откладывали рождение малыша. Надеялись сначала устроить свою жизнь. И я боялась нарушить творческие планы мужа. Он у меня художник. Очень талантливый...

— Очень? — доктор ехидно поджала губы, перебирая результаты анализов, которые Татьяна сдавала накануне. — Запустила ты себя, дорогая, воспаление нешуточное... И, по моему опыту, непроходимость маточных труб, а значит, большая вероятность бесплодия тебе теперь обеспечена...

Тяжёлая пауза повисла в воздухе.

— У меня есть надежда? — Татьяна собралась с силами и смогла произнести эти слова.

— Будем лечить, конечно, — ровным голосом ответила ей Виктория Вячеславовна. — А там... как Бог даст!

Это «как Бог даст» не только запало в душу, сжало сердце, зазвучало в ушах, слова будто застыли в её глазах. Она смотрела вокруг с неотступным набатом «как Бог даст»... Но разве не догадывалась раньше? Не чувствовала? Боялась признаться себе до конца. И ничего не изменилось бы, приди она в поликлинику раньше. Ни-че-го.

* * *

В поисках работы Татьяна по старой памяти забрела в Союз художников. Здание из красного кирпича всё более ветшало. Не спасали го-

тическая стройность окон, высокие потолки и лестница с коваными чугунными перилами. Сами художники показались скучными. Они оживлялись только при обсуждении скандальных тем, например, сколько украл председатель и кого же теперь выбирать на этот пост. Татьяна вполуха слушала злые шепотки о льготах и привилегиях. О любимчиках, которые пользуются всеми доступными благами и не хотят думать о других, не помогают молодым художникам. Снова уже без патетики и надежд слабо вздыхали о необходимости возобновить закупки картин. Но это даже не хотелось обсуждать. Тем более что если власти и решатся поддержать художников закупками, то возьмут полотна у самых заслуженных, со званиями и прочими регалиями, а их по пальцам перечесть. Да и что закупать у Татьяны с Борисом? Всё сгорело...

— Ищите достойную работу, милочка! Или у вас нет цели? Надо иметь великую цель! Тогда и дела будут великими, — высокий седой старик, которого она запомнила после последнего собрания больше года назад, говорил с ней на ходу, направляясь в кабинет к начальству.

— А разве вы забыли, что люди нуждаются друг в друге? — не сдержалась Татьяна. — И ожидают помощи от себе подобных. Да в этом и заключается смысл нашего совместного проживания!

— Что вы говорите? — старик остановился и удивлённо взглянул на неё. — Обязательно расскажу о нашем разговоре на правлении. Очень-очень любопытно. Кстати, я помню вашего мужа. Вернее, его полотна. Он талантливый художник. Но это только на первый взгляд. Вы же знаете, моя дорогая, что талант — это прежде всего работоспособность. Извините, я спешу. Обязательно расскажу о ваших проблемах в правлении! А вы должны знать, что всё обязательно наладится. Иного не дано. Будут у нас и перспективы, и надежды не эфемерные. Всё обязательно будет!

— ...Только уже без нас, — тихо произнесла Татьяна вслед старику.

Для неё особенно обидным была эта плохо скрываемая безучастность. Всё обязательно устроится, но... Сейчас невозможно жить — только выживать. Слабые сдаются, уходят. А если сдаются сильные?

* * *

Борис сдался. Каждый разговор о будущем превращался в скандал.

— Я умею только рисовать. Я художник.

— Меня тоже не учили другому. А моя мама только помогала отцу. Она всегда была за ним. Для женщины это нормально, — вяло возражала Татьяна.

— А что, разве женщина не человек? «За», «под», «между» — это всё про женщин? Ты серьёзно так думаешь? — Борис пристально смотрел на жену, «клевал» и отслеживал каждое её движение, мысль, мелькнувшую в глазах. Готовился и дальше скрещивать шпаги.

«Как глупо и недостойно. Несчастный...» — кривилась Татьяна и, как всегда, уступила.

— Хорошо. Не злись, пожалуйста. Не собираюсь я ни за кого прятаться. Как говорится, перед бедой равны. Меня вообще преследует ощущение войны. Сгорела мастерская. Ушёл на войну Костя. Кстати, давно не звонила Вероника. Ты не знаешь, как они?

— Как же ты умело переводишь разговор на другую тему, — фасонно вздохнул Борис. — Тебя Костя интересуется? Звони. Пока телефон не отключили за неуплату. Пользуйся последней возможностью. Что ты ещё можешь?!

Борис не унимался, провоцировал на скандал. И получилось. Нервы слабой половины сдали! При этом Татьяна не могла отделаться от чувства нереальности происходящего. Будто смотрит на себя со стороны и видит чудовище, вроде того, что описали братья Стругацкие. Она помнила его по иллюстрации в потрёпанной книжке с дерматиновым переплётом «Понедельник начинается в субботу». Чудовище с одной неограниченной способностью — жрать. Хрумкало и облизывалось, ненасытное...

И опять виноватой себя чувствовала Татьяна. Спасение утопающего — дело рук самого утопающего. Но как спасать? Занавеска на окне съехала на сторону, оголился подоконник с отколотым краем. А за окном тоже непорядок — два целлофановых пакета дёргаются точно в конвульсиях на ветках боярышника и пустые бутылки разбросаны вокруг. Почему так много мусора? Неужели совсем исчезли дворники? Что осталось на этом свете после того, как

сгорела мастерская и чудовище открыло глаза? Сонная муха зудела и билась в стекло, неуклюжая, похожая на летающую кляксу.

Татьяна вспомнила о Бегуновых и, уже не понимая зачем, а только лишь бы оторваться от заплаканного окна, смертницы-мухи, позвонила. Разговора, конечно, не получилось.

— Лучше приезжай, — глухо ответила ей Вероника.

И в трубке плаксиво затянули короткие гудки. Татьяна не опускала телефон, слушала...

* * *

Ехала в маршрутке, не понимая, зачем ей к Бегуновым.

Мокрая неопрятная осенняя улица с вёртками иномарками. За окном мелькали частные дома, дерево, почти облокотившееся на старую одноэтажную постройку. Неожиданно проплыл белый гипсовый бюст Пушкина, установленный на поросшей мхом крыше. Поэт смотрел на город и белозубо улыбался, волосы кудрявились на ветру. Татьяна ощутила нелепость увиденного и невольно улыбнулась юному Пушкину. Маршрутка — мимо. Был ли Александр Сергеевич? Или это белое облако над крышей? Через мгновенье в окна уже нагло ломилась реклама — «Берите! Купите!» А вот не на что покупать! Не заработали ещё.

Мелькали заборы и дома. Татьяна смотрела, но уже мало что замечала. Вернулась мысленно к Бегуновым. Как там Константин? Вернулся с войны?

Вероника в передней улыбнулась ей одними губами:

— Хорошо, что приехала, проходи. И друг Костин у нас. Бывший военный, он нас когда-то в Чечне от беды спас, предупредил, чтоб убежали! А сейчас в запасе, предприниматель... Или главный менеджер фирмы какой-то. В общем, на нём и сбыт, и снабжение. Пойдем, познакомлю? — почему-то спросила Вероника и сама же замешкалась, явно тянула время, не пропуская Татьяну в комнату к мужу. — Слушай, зайдём на кухню? Пошущукаемся. Я сейчас.

Она нырнула в комнату, плотно прикрыла

дверь за собой. Татьяна слышала мужские голоса, но слов не разобрать.

Потом они сидели на кухне, Вероника ждала чайник и жаловалась госте:

— Костя только приходит в себя стал. А как вернулся из командировки... думала, по-хорошему не кончится. Тань, ты его не спрашивай ни о чём. Ладно? Я специально фотографии последние унесла, чтобы не напоминать ему. Вот из-за этого снимка всё, — Вероника потянула из стопки, лежащей на холодильнике. — Помнишь ту историю про собаку? Как её звали-то?

— Хаттаб. А что с собакой?

— Вот гляди.

На фотографии, положив морду на лапы, перед стопкой водки, накрытой куском чёрного хлеба, лежал пёс, отвернувшись от конфет, щедро насыпанных рядом, прямо в траву. Возле него на корточках человек в камуфляже с непокрытой головой. Он держал стакан и смотрел на взлетающий вертолёт.

— Поминки? — спросила Татьяна.

— Груз «двести». Костя так снимок назвал. Я тебе всё сама расскажу, только ты Костю не спрашивай. Обещаешь?

Но сразу после её слов дверь шумно распахнулась, и обе женщины вздрогнули:

— А-а, вот где кумушки засели! Почему к нам не зашла?! Вероника, зачем гостей на кухне держишь?

Константин поставил пустую бутылку на стол, взгляд упал на фотографию.

— Почему здесь? — запнулся и через паузу: — Верунь, давай Таню к нам. Помянем ребят!

Вероника покорно кивнула, глазами попросила Татьяну согласиться.

В большой комнате квартиры Бегуновых с парадными золотыми обоями, высоким кожаным диваном, зеркалами в багете было накурено и неопрятно. Видно, долго сидела здесь чисто мужская компания. Плотного сложения мужчина в чёрном приталенном пиджаке и рубашке со свободным воротом встал при появлении Татьяны. Густые с проседью волосы слегка торчали над ушами, отчего правильной формы голова выглядела ещё крупнее. Строгие зелёные глаза, правильный нос с вылепленными римски ноздрями сочетались с некой неуклюжестью. Всё время казалось, что ему мало места.

Летели на пол салфетки вместе с окурками, обречённо звенькали рюмки на подносе, как только он шевелился. Татьяна не могла сдержать улыбку, незнакомец краснел и нравился госте. Она отчего-то сразу прониклась доверием к нему, с первого мужского рукопожатия, которым одарил её Михаил. Сам он отмалчивался.

Говорил Костя. А началось с вопроса Татьяны, которая позабыла наставления Вероники и кротко:

— А собака выжила?

— И Хаттаба похоронили. Уже при мне было. А до этого... Лёхе с Толиком два месяца служить оставалось. И, рассказывают, характер собаки неожиданно сильно испортился! Перестал Хаттаб беззаботно резвиться. Выл по ночам так, что солдаты швыряли в него камнями — если не успокоится, то хоть от палатки уйдёт.

Уже советовали Лёхе избавиться от пса или показать его ветеринару. А Лёха торопил время. Хотелось ему помочь Хаттабу! Всё гладил его чёрные уши, смотрел в слезливые глаза. Разговаривал с псом. Благо времени на это хватало. Лёху и дружка его Толика в отряде берегли, как отработавших своё. Им всю светил дембель! Если и доверялись боевые задания, то самые простые и неопасные: подстраховать уходящих на задание или, наоборот, встретить.

И... при мне было, когда Лёха с Толиком вешали автоматы и уходили — пёс заходил воем, словно физическая боль его истязала. Однажды после очередного задания ребята не вернулись. Их трупы подбросили через месяц. Тела были завернуты в целлофан, почти разложились. Но даже в таком виде на трупах видны были следы пыток. У Лёхи отрезана голова. У Толика выкололи глаза. Как только смог Хаттаб пересилить удушающий запах! Это ж для собаки... Подполз к Лёхе и стащил его ботинок. Унёс в лес и лежал над ним. Слёзки из глаз катились. Мы его пытались отвлечь! Совали ему карамельки. А Хаттаб даже не смотрел, ничего не брал. Он так и умер через несколько дней рядом с ботинком хозяина... — Константин шумно вздохнул: — Помянем. Выпьём за ребят. Царство им небесное.

Хрустальный бокал в руке Татьяны дрогнул, она замерла, пытаясь остановить подступающие слёзы. Рядом напряжённо молчал Михаил.

— Ушёл ты в запас, Мишка, и правильно, —

обернулся к нему Константин. — А я вот не смогу от ребят уйти. Я теперь до могилы с ними.

Вероника сердито шикнула на него:

— Хватит уже про могилу. Так и мужиков в России не останется. Вас и теперь негусто.

Взглянула в сторону Татьяны, ища поддержки сказанному. Та молчала, чувствуя многослойный подтекст в её словах.

— Энергия наша уходит нынче в ту сторону, в какую не надо бы, — раздумчиво вступил Михаил. Он явно пытался увести разговор подальше от опасной темы. — Согласен, Костя? Раньше люди о душе своей думали. А когда нет этого — гибель грозит роду человеческому...

— Я снова в командировку поеду. Увеличу фотографии. Они вроде памятника у меня, — не поддался Константин.

В глазах Татьяны вскипали слёзы, и она боялась не справиться с собой. А тут ещё этот бизнесмен Михаил сверлил взглядом. Что ему надо? Татьяна старалась следить за хозяином дома Константином. Вспомнилось, как в первый раз побывала у Бегуновых. Настроение и планы Константина с тех пор не изменились. Только теперь ещё тревожнее всё, хуже стало...

Мелькнула мысль о муже — вот с кем на самом деле хуже. «Ну сколько можно о Борисе!» — недовольно одёрнула себя Татьяна. Муж словно присутствовал рядом, не отпускал её. И потому порхала взглядом, избегая Михаила. Не смотреть на него уже не могла. По сравнению с хрупким Борисом, плотная широкая фигура по-особенному крепко высилась рядом. «Вот так просто и примитивно? Широкие плечи, бугры мышц... как магнит? Нет, конечно! Глаза с искринкой тёплой, будто давно-давно знакомые, будто виделись когда-то и вот наконец снова встретились... Голос с бархатной подложкой. Хочется слушать...»

От Бегуновых они вышли вместе. Опять крапал дождь. Капли стучали по карнизам, гудели в водосточных трубах, дрожали на ветках деревьев, затенённых жидкими городскими сумерками. И очень не хотелось шагать в эту промозглую сырость. Расставаться тоже не хотелось, вечер был в самом начале. И уже через минуту...

— А я бы не против ещё чего-нибудь закупить. А? Компанию составите? Я ж не мест-

ный, не знаю, где тут у вас посидеть можно. Только чтоб недалеко!

В двух кварталах от дома Бегуновых оказалась приличная пиццерия. Татьяна уже не помнила, когда последний раз была в кафе. Но старалась не показать виду. И выискивала в меню самое доступное. Её сомнения разом решил Михаил:

— А давайте закажем большую пиццу с грибами и ветчиной? Неужели не осилим?

Татьяна улыбнулась, чуть двинув плечом, мол, попробовывать можно. Михаил не успокаивался, продолжая листать меню.

— И вот пицца-пирог с молоком стужённым, брусникой и бананом, а? Такую я ещё не пробовал. Люблю сладкое. Девушка, примите заказ!

Голос Михаила перекрыл шум в зале. Нетрудно представить, что недавно он отдавал команды на плацу.

— А вы давно Бегуновых знаете? — обратился к Татьяне с первым, что пришло ему на ум.

Она начала рассказ, и чем дальше, тем с большим интересом слушал и смотрел на неё Михаил. Он знал Константина Бегунова по службе в Чечне, все эти годы они поддерживали связь.

— А теперь вот в одном краю живём, я, кстати, часто в городе бываю... — он взглянул на Татьяну так, что последние слова прозвучали двусмысленно.

— Вы предприниматель? — почему-то запинаясь, спросила Татьяна и покраснела. Ну вот с этим у неё всегда легко. Краснела и по поводу, и без него. Бог знает что подумает...

Весь вечер, бросая горячие взгляды, они убеждали друг друга, что между ними не может быть ничего, кроме дружеского общения. Просто неожиданно приятный вечер, разговор по душам, просто пицца и пиво. Он удачно острил, Татьяна от души смеялась. Понемногу рассказала про свои гобелены и живопись, неожиданно и непонятно зачем — про талантливого мужа-художника. Конечно, как без него... А Михаил начал о своих любимых дочерях.

— Трое у меня: Люда, Оля и Лиля. Люляля, — тепло улыбался, — настоящая женская команда. Одной — двадцать, другой — восемнадцать, а третьей — шесть. На следующий год в школу пойдёт.

Татьяна посмотрела на собеседника почти

как на инопланетянина. Никто из её окружения не имел троих детей.

— А жену как зовут? — брякнула она, потому что ей казалось неприличным не узнать имя женщины-героини.

— Маму их? Лена. Мы с ней, честно признаться, врозь сейчас. Так вот получилось странно.

Татьяна медленно пилила кусок пиццы. Молчание затягивалось. Но даже это не испортило тихого уюта, царившего вокруг.

— Всё бывает в жизни, согласны? — продолжил Михаил чуть изменившимся голосом, точно смахнул некую пелену, закрывавшую их двоих. — Вот увлёкся однажды... Не поверите — с учительницей Людмилы, старшей дочери. На собрания классные ходил — и впечатлился. Она на вас чем-то похожа, училка до мозга костей. К жизни не приспособлена совсем. И у неё дочка, одна воспитывала. Пять лет уже не могу с ними разобраться. Самое главное — не могу без внимания оставить, всех своих... Пашу сутками. Вроде успешно. Но проблем-то надо решить уйму... Вот наконец купил квартиры и жене, и любовнице. На одном квартале. Теперь старшей дочери. Уже залог отдал. Тоже рядом с квартирой матери и младшей. Оля, средняя, у меня замужем. Выскочила как пуля. Только исполнилось восемнадцать — сразу в загс. Вроде нормально пока живут. Первый год он и должен медовым быть. А вот старшая Люда ребёнка ждёт. Бросил её парень. Подонок оказался. А я сказал: «Рожай, свою фамилию дам, на себя запишу». Может, мужик наконец в семье появится... Воспитаем. Потому и надо к жене возвращаться. Лилю поднимать да внуков воспитывать... Да и страсти на стороне поутихли. Накуролесилось — теперь раскручиваю помаленьку...

Он смотрел в сторону. Она кивала. Действительно, проблемы у человека. Даже не придумать такое.

— У вас тоже, смотрю, глаза не особо весёлые. Я ещё у Бегуновых заметил. А как с наследниками? Обзавелись?

Татьяна качнула головой.

— Планируете?

— Как Бог даст...

— Ну да. Всё в руках Господа. Работаете где?

— С работой как раз решаю. Ищу. Скорее всего, буду преподавать в школе рисование.

Михаил задумался, явно что-то соображая или вспоминая. Немного неловко уже было длить этот странный вечер двух уставших людей, которым так неожиданно захотелось посидеть вместе, хотя бы один вечер. И хорошо, что посидели. Словно прояснилось что-то в душе, потеплело, отлегло.

— Таня, вот телефон, попробуйте. Это новая школа художественная. Мы там отопление монтировали. Я слышал, вроде они штат набирают.

— Неужели школы художественные теперь строят?

— Они будут работать на базе бывшего детского сада. Многие садики ж теперь закрываются, некого туда водить стало. Ну и передали здание... Кажется, школа искусств. Позвоните! Может, получится — буду рад! А это мой телефон, нужда какая — честное слово! — помогу с дорогой душой. Что от меня зависит. Рад знакомству нашему! Вы к Бегуновым почаще приезжайте, Костя смурной совсем. Надо его тормозить, отвлекать от войны... Хватит уже этих его командировок. Заканчивается там.

Она кивала.

— Хорошо, обязательно. Спасибо вам, — улыбнулась грустно.

Прошло три года. Татьяна шла по берёзовой длинной аллее с просыпанными на асфальт солнечными бликами, которые особенно радуют глаз весной, вместе с глубиной небес сквозь зелёные монетки новых ещё клейко-лаковых листьев. В городе кроны деревьев погуще, здесь же, в ста километрах от краевого центра, да ещё в предгорье, весна немного запаздывает. С некоторой осторожностью подходила она к монастырскому подворью. Вместе с пассажирами автобуса, приехавшими на воскресную службу в мужской Свято-Георгиевский монастырь, ставший известным благодаря отцу Алексию, к которому ехали за исцелением, за советом, за надеждой. Об этом монастыре Татьяне рассказала её коллега Вероника Сергеевна, самая старшая по возрасту среди учителей художественного отделения школы искусств, где вот уже два с половиной года Татьяна являлась заведующей, тянула чуть не три ставки и кучу административных нагрузок. Особенно досаждало обилие бу-

маг, ведомостей, планов поурочных. Теперь вот замдиректора поручил ей, одной из первых в школе, разработать авторскую учебную программу, чтобы в дальнейшем не только защитить высшую педагогическую категорию, но показать пример и помочь остальным коллегам.

Работа в школе занимала Татьяну целиком. Она уходила с утра и возвращалась затемно, уставшая, чуть охрипшая. После ужина садилась за планы и подготовку к завтрашним урокам. Иногда Борис помогал ей делать заготовки, которые на следующий день должны стать приложениями для самых младших и предметом гордости их родителей. Школа считалась лучшей в городе. Малиновые пиджаки свозили на иномарках ненаглядных наследников, начиная с возраста самого крошечного — с трёх лет. В платные группы не могли попасть дети тех, кто учил дорогих чад: слишком высокая плата за обучение. Ну, а к самим учителям в таких группах особые требования — начиная с внешнего вида и заканчивая тонкостями в профессиональной подготовке. Московский диплом Татьяны, конечно, сыграл роль в её назначении на должность заведующей отделением, но определило всё проявленные ею ответственность и исполнительность, доброе, внимательное отношение к деткам, умение ладить с родителями и коллегами по работе. Татьяна полностью отдалась работе, почувствовала себя нужной. Хотя нагрузка зашкаливала, хотя волновалась перед каждым утренником, выставкой работ школьников, перед каждой проверкой. Перед педсоветом каждым! Борис старался её поддержать, у него были на это и время, и силы. Но что он мог? С работой у него не получалось. Сидел в четырёх стенах, создавая в голове очередной план, и через некоторое время отказывался от него. Художники-живописцы мало кого интересовали в городе, металлоковкой он заниматься не хотел, ведь пришлось бы клепать ограды для могилки. Работу в школе Борис считал для себя недостойной.

Зарплаты Татьяны едва хватало на жизнь ещё и потому, что часть денег уходила на клинику «Женское здоровье», её недавно открыли в городе, на рецепты и процедуры, которые выписывала ей гинеколог Ирина Николаевна, очень доброжелательная, улыбочивая, кандидат медицинских наук. Войдя в кабинет, Татьяна скоро

прониклась доверием к ней, и не только потому, что её встретил тёплый небесно-голубой взгляд доктора. На окне за тонкой вуалью стоял пышно разросшийся кактус, похожий на тот самый, о котором не раз вспоминала Татьяна.

Конечно, Борису она не стала говорить о кактусе, хотя они каждый раз обсуждали её посещения врача и назначения. Как и о рассказе коллеги Вероники Сергеевны про ясновидящего батюшку из Свято-Георгиевского мужского монастыря. Она и не надеялась когда-то увидеть монастырь этот. Но вот Бегуновы, с которыми изредка встречались семьями, тоже сказали, что хотят поехать. И Татьяна решилась. Проситься к Бегуновым не захотела, лучше одной, чтоб не объяснять никому и ничего.

Она вошла в церковный двор, огляделась. Храм небольшой, с резным навесом над высоким крыльцом и тяжёлой металлической дверью. Достала из сумки припасённый платок, накинула на голову.

— Татьяна, вы?!

Вздрогнула, обернулась на голос. Михаил, похудевший, в камуфляже, сдвинутой на затылок маленькой спортивной шапочке, широко улыбался, будто расстались вчера. Она тоже растерянно улыбнулась в ответ. Он подошёл и протянул руку, по-мужски широко.

— Здравствуйте! Рад видеть в наших краях.

— Ну да... Вот приехала. А вы здесь?..

— Я здесь часто. И на службах. И за отоплением слежу, за электричеством тоже. Мы его смонтировали — теперь отвечаю. Вы какживаете? Работаете? Пригодился телефон школы?

— Да-да! — горячо ответила она. — Спасибо. С вашей лёгкой руки у меня, можно сказать, началась другая жизнь. Даже выпускники в этом году.

— А наследник появился?

Она покачала головой.

— Пойдёмте, я вас по храму проведу.

Обернулся:

— Алля наша понравилась? Саженцы я привозил. На юге берёзы плохо приживаются, а наши вот растут. Хотелось мне очень, чтобы белоствольные, как стены храмовые.

— Да. Любовалась, пока шла сюда.

Прохладная тишина храма светилась огоньками свечей и золотыми бликами на окладах. Они ходили от иконы к иконе. Татьяна стави-

ла свечки. Михаил тихонько рассказывал о чём-то, чего Татьяна или не совсем понимала, или просто не могла расслышать. Мысли её сбивались. С одной стороны, и рада увидеться, с другой — ей хотелось побыть одной. И спутник точно услышал эти мысли.

Тронул за локоть:

— Вы теперь у иконы Богородицы постоите. Я отойду пока.

И исчез. Она подошла к большой старого письма иконе в левой стороне храма, с широким окладом, развешанными внизу перстнями и цепочками. Шаркали чьи-то шаги за спиной. Подходили и уходили женщины, молодые и пожилые, старик с лохматой седой головой, подростки, смешливые и пугливые. Татьяна смотрела в лицо Богородицы, в глаза младенца на её руках.

Приложилась к иконе. Поставила свечку. Поправила платок на голове.

— Пойдёмте!

Михаил появился ниоткуда. Будто всё это время следил за ней.

— Сейчас батюшка выйдет. Пойдёмте!

Он взял её за локоть и направил к выходу. Они спустились с крыльца, повернули за угол, и она увидела группу людей, обступивших священника, который медленно продвигался в сторону храма, раздавая благословения, отвечая на вопросы. А люди только прибывали. И было видно, что ему непросто справиться с

ними. Бледное тонкое лицо, усталые глаза с загаённой болью в них. Татьяне показалось, что каждый шаг ему даётся через силу. Она остановилась в нерешительности. Как приблизиться? Не расталкивать же людей. И каково батюшке утешить всю толпу...

— Пойдёмте-пойдёмте, — тянул её Михаил.

Священник наконец поравнялся с ними. Татьяна было потянулась к нему, но спросить так и не решалась и очень боялась помешать его движению, боялась очень на ногу кому-нибудь наступить, неловкой показаться.

— Ну! Таня, подойдите, — уже командовал сзади Михаил, — подойдите к батюшке. Спросите его!

И он буквально толкнул женщину на отца Алексея. Татьяна едва удержалась, чуть потянула рясу, когда батюшка уже прошёл мимо неё. Он обернулся вопросительно. Она вскинулась на него глазами, полными страха.

Священник недовольно нахмурился и махнул рукой в её сторону, словно отгонял кого-то:

— Да будет! Будет у тебя ребёнок! Не сомневайся! Бог даст!

Она опешила, немая смотрела вслед удаляющейся фигуре. Ударили колокола к вечеру. Или это только показалось Татьяне. Она всё повторяла, шептала только что прозвучавшие слова батюшки и улыбалась: «Бог даст!..»

□

Светлана Николаевна МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

Прозаик, поэт, публицист.

Родилась в станице Новопокровской Краснодарского края.

Окончила Кубанский государственный университет.

Публиковалась в журналах «Наш современник»,

«Роман-журнал 21 век», «Медный всадник»,

«Земляки», «Подъём», «Дон», «Кубань» и др.

Автор книг «Птицы из стаи турманов», «Хрустальная дочь»,

«Дождь в крупную клетку», «Мир вращается» и др.

Лауреат литературных премий, заслуженный деятель искусств Кубани, кавалер Золотого ордена «За служение искусству».

Член Союза писателей России, секретарь Союза писателей России, возглавляет Краснодарское отделение Союза писателей России.

Живет в Краснодаре.

